

Забайкальский исторический журнал

ХРОНОГРАФ

Возвращение в Укурик

№ 6
- 2014 -

Для каждого из нас очевидно, что судьба и история человека непосредственно связаны с памятью о том месте, где он родился, где прошла жизнь его родителей. Далекие села и небольшие города, зачастую, значат для нас гораздо больше, чем столицы и мегаполисы.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев очень точно назвал эти места «кругом нравственной оседлости» и верно определил внутреннюю связь памяти и совести в судьбе народа: «Совесть, — говорит он, — это, в основном, память, к которой присоединяется моральная оценка совершённого. Но если совершённое не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести».

Забвение своей истории, не только той, что преподают в школе, но и более близкой и понятной — истории своей семьи, неизбежно ведет к деградации и потере нравственных ориентиров. Между тем, не секрет, что семейная история забывается быстрее всего. В большинстве случаев она не записана, а существует лишь как устное предание, и с уходом людей меняется и становится менее достоверной. Будем же особенно внимательны к этой малой, но столь значимой для каждого из нас истории, будем размышлять о судьбе наших родителей и вновь пристально вглядываться в историю наших семей, и тех мест, с которыми мы навсегда связаны памятью.

В НОМЕРЕ:

Александр ЛИТВИНЦЕВ ТОРГИНСКАЯ СВЯТЫНЯ	3
Николай КРАДИН КОНДУЙСКИЙ ГОРОДОК: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	10
Петр СТУКОВ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ЛЕТОПИСИ	21
Алексей МЯСНИКОВ «ЗДЕСЬ, В СУМРАКЕ СТЕПЕЙ, В УЕДИНЕНИИ»...	28
Александр ЛИТВИНЦЕВ ЛЮБИТЕЛИ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ	32
Александр Капитонович БЕЛЯВСКИЙ ИЗ «ЗАПИСОК ВОЕННОГО ВРАЧА»	51
Галина ПОГОДАЕВА «ТЯЖЕЛОЕ, БЕСПОКОЙНОЕ И ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО»	65
Максим МАКАРОВ, Татьяна ШИЛЬНИКОВА «ПОДВИЖНИЧЕСТВО, ЧЕСТНОЕ СЛУЖЕНИЕ И РЕВНОСТНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ О БЛАГОСТИ ПРИХОЖАН...»	74
Вера СЕЛЕЗНЕВА ВОЗВРАЩЕНИЕ В УКУРИК	84

Е.Ю. Чикичёва. Торгинская церковь (фрагмент художественного полотна)

Александр ЛИТВИНЦЕВ (Нерчинск)

ТОРГИНСКАЯ СВЯТЫНЯ

Село Торгинское, возникшее во второй половине XVII века в 35 верстах к северо-западу от Нерчинска, само по себе мало чем отличалось от других, но всё же получило известность не только в Нерчинском округе, но и по всей Забайкальской области. Этой известностью оно было обязано находившейся в местном храме иконе Знамения Пресвятой Богородицы — одному из шести особо почитаемых и чудотворных святых образов Забайкалья. Согласно народным преданиям, икона эта была принесена в 1685 году с берегов Амура, а точнее, из разоренного китайцами Албазинского острога. Три раза в год: 7 и 20 июля, а также 27 ноября¹ в Торгу стекалось множество богомольцев. 7 июля икону уносили из Торги в Нерчинск, и там она оставалась до 20 июля. Всё это время в Нерчинске православные ходили с ней по городу, заносили в свои дома и служили молебны, а 20 июля с крестным ходом икону возвращали в Торгу.

По поводу этой традиции ношения иконы в Нерчинск и обратно существовала такая легенда: часть пришедших из Албазина казаков решили поселиться близ устья речушки Торги, впадающей в Нерчу. С ними же была и икона Знамения, которую Нерчинское духовенство пожелало забрать в город и поставить в храме. Перенесение это состоялось 7 июля, но 20 июля икона невидимой силой была перенесена обратно в Торгу. По этому случаю казаки выстроили в селе деревянную часовню во имя Знамения Пресвятой Богородицы, где и поместили дорогой им образ.

Точная дата постройки этой часовни не установлена, известно лишь, что в 1727 году указом Императора Петра I она подвергалась закрытию, но уже в следующем году вновь была открыта. Вскоре жители Торгинской земли обратились к епископу Иркутскому и Нерчинскому Иннокентию (Кульчицкому) с прошением вместо имеющейся у них часовни построить церковь. На эту просьбу в сентябре 1731 года Преосвященный поручил настоятелю Нерчинского Успенского монастыря Нафанаилу выяснить: действительно ли есть потребность в построении церкви в Торге, на каком конкретно месте предполагается её выстроить, далеко ли она будет от других церквей и на какие средства селяне собираются содержать новый притч. В декабре Нафанаил отправил такой ответ в Епархию: жители от построения церкви начали уклоняться по своей бедности и малочисленности, да и, по его мнению, в церкви этой нет особой надобности, так как селение Торгинское, приписанное к Нерчинскому Собору, отстоит от него только в

▲ Икона Знамение Абалакская

◀ Икона Знамение Абалакская
Современная реконструкция

20 верстах. В итоге Архиерейский приказ, коллективно возглавлявший в тот период Епархию вместо умершего епископа Иннокентия, решил: в Торгинской деревне церковь до особого указа не строить, казны на это не собирать.

Вскоре Торгинские жители во главе с Василием Лагуновым отправили в Иркутск Часовенного старосту Семена Смольянинова просить у нового епископа Иннокентия (Неруновича) дозволения сделать сбор на покупку к часовне колокола, воска и других необходимых вещей. Епископ же своим указом от 4 января 1734 года повелел воздвигнуть в Торге церковь. Несмотря на все трудности, торгинцы исполнили это предписание, прирубили к часовне алтарь и паперть, и 16 февраля 1740 года уже последовал указ Преосвященного на имя наместника Нерчинского Успенского монастыря иеромонаха Иова и дьякона Николая Силина об освещении выстроенной церкви. Первым священником её был назначен Фёдор Стуков, до этого служивший пономарем Нерчинского Собора. В 1750 году его сменил Петр Иванович Скорняков, прославившийся своим неспокойным нравом.

4 января 1755 года, через час после литургии и молебна, церковь загорелась. Прибежавшим на пожар селянам удалось отстоять лишь колокольню, а все святые образа, книги, антиминс, евангелие и напрестольный крест сгорели. Последовавшее дознание показало, что пожар произошел по неизвестности трапезника Серебренникова, который, затопив в церкви печь, ушел домой. Епархиальное начальство приказало взыскать с виновника убытки, а если он окажется несостоительным, то взыскать всё с выбравших его трапезником прихожан, а его самого в наказание отправить в светскую команду. При дополнительном расследовании выяснилось, что Серебренников служил на своей должности не по выбору, а по приказу приходских людей, жил при церкви, пропитание имел от подаяний и средств на возмещение утраченного имущества не имеет. Поэтому 24 мая 1755 года прихожане подали прошение построить новую церковь своим иждивением, а 23 сентября того же года указом Иркутской Духовной Консистории настоятелю Нерчинского Собора Илье Иванову было велено заложить в Торге, вместо сгоревшей, церковь Знамения Пресвятой Богородицы и заготовить лес на то строение.

Через три года, 4 февраля 1758 года, торгинские прихожане просили епископа Иркутского и Нерчинского Софрония освятить вновь построенную церковь и назначить в неё священника. Владыка велел церковь освятить Нерчинскому протопресвитеру Илье Иванову, а священником

назначить Симеона Михайлова. Но уже вскоре отец Симеон был вновь возвращен в Нерчинский Собор, а в Торгинском приходе требы велено было поочередно отправлять нерчинским священникам.

Через 9 лет эта церковь тоже сгорела и епископ Софроний 19 июня 1767 года вновь благословляет Нерчинского протопопа Петра Пляскина (по другим данным – протопопа Петра Косьмина) заложить в Торге церковь. Через год она уже была готова к освящению, и Софроний 14 ноября 1768 года благословил освятить Торгинскую Знаменскую церковь. При этом из документов не видно, каким было новое сооружение – деревянным или каменным. Настоятелем церкви в ту пору был священник Петр Фомин.

В 1774 году крестьянин Василий Васильевич Эпов просил Епископа Иркутского и Нерчинского Михаила разрешить поставить в Торгинской Знаменской церкви второй престол во имя Святителя Николая, мотивируя тем, что существующий алтарь имеет длину 8 аршин и ширину 11 аршин², и в нем легко поместить ещё один престол с жертвенником. Всё это он предлагал сделать за свой счет. Указом от 18 февраля 1775 года епископ Михаил ответил, что двум престолам в церкви нет надобности, и это только испортит иконостас, а если у Василия Эпова есть желание сделать пожертвование, то лучше приобрести образ Святителя Николая хорошей работы и письма и поставить его на приличном месте. Однако же торгинцы оказались упорными в намерениях завести в своей церкви второй придел, и через пять лет, 4 сентября 1780 года епископ Михаил дал-таки протоиерою Нерчинского Воскресенского Собора Павлу Гробову и священнику Торгинской Знаменской церкви Петру Писареву грамоту на возведение в трапезе перегородки и устройство на правой её стороне престола во имя Святителя Николая. Но дело это, по всей видимости, затянулось. Уже сын Василия Эпова – Симеон, умирая в 1790 году, завещал своей жене и детям построить каменный придел к Торгинскому храму, но вместо этого наследники возвели церковь в селе Кондуй. Наконец, в 1804 году, усердием священника Дмитрия Писарева и прихожан, в Торге была построена каменная церковь с двумя приделами: правого во имя Знамения Божией Матери, и левого во имя Святителя и Чудотворца Николая. Церковь имела сдвоенную апсиду, четырехскатную кровлю с восьмигранным барабаном и огранненной главкой, и примыкающую с запада колокольню.

Такова история существования в Торге православного храма, собранная в основном по крупинкам из подлинных документов, и опубликованная в разное время главным историографом Нерчин-

Виды г. Нерчинска. Праздник Колосов

▲ Церковь Знамения Пресв. Богородицы в с. Торга

ских и окрестных церквей И.В. Корелиным. Любопытно, что обычно дотошный в своих исследованиях о. Иоанн, описывая эти перипетии, нигде не упоминает о судьбе самой чудотворной иконы Знамения. Между тем, как мы помним, уже во время первого пожара из святых образов и церковной утвари не уцелело абсолютно ничего. Таким образом, совершенно непонятно, как во всех этих бедах иконе удавалось спастись, если она действительно находилась в Торге ещё со времен первой часовни.

Но, так или иначе, в XIX веке Торгинская икона Знамения Пресвятой Богородицы, как мы упоминали в самом начале, получила широкую известность и почитание во всем Забайкалье. Помимо ежегодных июльских крестных ходов в Нерчинск и обратно, по указу Консистории от 19 мая 1785 года № 558, её носили и по другим населенным пунктам Нерчинского округа. Чаще всего (обычно в мае) она путешествовала по главным житницам Забайкалья – долинам рек Шилки, Унды и Куренги. Это неудивительно – ведь, прежде всего, её чтили как просодательницу, ибо всегда, когда в этих местах

совершались крестные ходы с ней, шли обильные дожди, столь необходимые для будущего урожая. Во время этих крестных ходов верующие делали посильные взносы на украшение Торгинской церкви, благодаря чему в ней имелась хорошая ризница и другая церковная утварь: напрестольные кресты, Евангелие, дарохранительница, венцы и прочее. Сама икона также была украшена серебряной позолоченной ризой, осыпанной рубинами и сбрасывали. Кроме того, Торгинская церковь всегда имела более 10000 рублей наличного капитала.

В 1882 году Торгинская икона отправилась в более дальнее путешествие – в областную Читу. После всенощного бдения в Нерчинском Воскресенском соборе, 14 июля в сопровождении священников и многочисленного люда, чудотворная святыня отправилась в путь с остановками и молебнами во всех крупных приходах. В Читу она прибыла утром 20 июля и была помещена в Казанском соборном храме, а на следующее утро перед крестным ходом впервые за более чем месяц в Чите шел дождь. До 24 июля святая икона находилась в областной

Вид на р. Торгу. Почтовая открытка начала XX в.

столице и ежедневно носилась с молитвами по домам горожан. «Моление Богоматери в Чите и в окрестностях, видимо, ознаменовано было благословением свыше. Бездождие и бедствие народа прекратилось ниспосланием благовременных дождей и благорастворением воздуха».

Перед самой революцией 1917 года село Торгинское было переименовано в Знаменку. В январе 1930 года помещение Знаменской церкви было изъято из пользования православной общины, а ещё до этого, осенью 1929 года, по просьбе директора Нерчинского музея Л.А. Пуляевского чудотворная икона была помещена в атеистическом уголке музея. Это событие вызвало возмущение среди верующих, и решением начальника Нерчинской милиции Е.Н. Коптелова икона была возвращена общине и помещена в Нерчинском Воскресенском Соборе. Но уже в феврале 1930 года помещение Собора было решено передать под культурные нужды города, а с 1938 года его занял краеведческий музей. С тех пор о судьбе иконы Торгинской Божией Матери ничего не известно.

Так что это была за икона и откуда она появилась в Торге?

Как уже упоминалось выше, происхождение её местные жители связывали с казаками – выходцами из Албазинского острога. Необходимо отметить, что часть икон и церковной утвари из Албазина действительно была принесена в Нерчинск. Так, В.П. Паршин в приложении ко второй части книги «Поездка в Забайкальский край» публикует несколько «копий официальных бумаг». В одной из них, а именно в «Описи церковным вещам, доставленным в Нерчинск из Албазина церковного Воскресенского имущества Василем Ерофеевым» значится: образ Воскресения Христова, образ Владимирской Богородицы, образ Спаса Нерукотворенного, образ Спаса на хоругве, образ Благовещения Пресвятой Богородицы, образ Михаила Архангела, образ Иоанна Предтечи, образ Положение во гроб, образ Богородицы Одигитрии, образ Спасов, образ Пресвятой Богородицы Казанской, образ Николая Чудотворца с житием. Впоследствии многие иконы, вынесенные из Албазина,

Церковь в Знаменке. Современный вид

распространились по различным забайкальским храмам. Так, икона Архистратига Михаила долгие годы находилась в Нерчинском Воскресенском Соборе и считалась главной иконой казачьего полка. Несколько икон находились в Горбице, и затем были перенесены в Верхние Куларки. В станице Ботовской хранилась икона Ильи Пророка. Со второй половины XIX века широкую известность приобрела хранившаяся в Сретенске ещё одна икона Знамения «Слово Плоть Бысть», больше известная под названием «Албазинская», сопровождавшая первый Амурский сплав Н.Н. Муравьева-Амурского и ставшая впоследствии главной святыней Приамурья². Таким образом, и Торгинская икона вполне могла до конца 1680-х гг. среди множества других святых образов находиться в Албазинском остроге, а затем попасть в Забайкалье.

Не менее сложно дело обстоит с иконографией образа Торгинской иконы, поскольку на сегод-

няшний день каких-либо фото или художественных изображений её не обнаружено. Единственное, и то очень краткое, описание иконы было сделано священником Иоанном Чирцевым, сопровождавшим в 1877 году Епископа Иркутского и Нерчинского Вениамина в поездке по Забайкальским приходам. Поскольку данное свидетельство имеет очень важное значение, приведём его полностью: «...самая икона свидетельствует, что она есть снимок (точнее список-копия – А.Л.) с Абалакской иконы Б[ожией] Матери, так как на оной есть предстоящие: Св[ятой] Николай и Мария Египетская».

История Абалакской иконы берет начало в 1636 году в с. Абалак, расположенном в 30 км от Тобольска, и рассказывается в неоднократно переизданной во второй половине XIX века книге А.И. Сулоцкого. По ней, некая вдовица Мария во сне увидела две иконы – Богоматери «Знамение» и преподобной Марии Египетской, а также, «аки жива суща», Святителя Николая. От иконы Божией Матери был голос, повелевший построить на Абалакском погосте церковь в честь иконы «Знамение» с приделами во имя преподобной Марии Египет-

ской и святителя Николая. С благословения Тобольского архиепископа Нектария церковь эта была возведена, а также протодиаконом Тобольского кафедрального собора Матфеем Мартыновым была написана икона Божией Матери Знамение Абалакская. Это был список (копия) канонического Новгородского образа «Знамение», дополненный образами предстоящих по сторонам от Богородицы святителя Николая (справа) и Марии Египетской (слева). Вскоре икона начала являть чудеса, с неё делались многочисленные списки, которые тоже проявляли себя как чудотворные, и Абалакская (Абалацкая) икона стала самой почитаемой в Сибири. Как и Торгинская, подлинная Абалакская икона бесследно исчезла в годы революции.

Итак, вероятнее всего, Торгинская икона тоже была одним из ранних списков с Абалакской иконой. Косвенно это подтверждается ещё и тем, что с 1666 года практически в те же сроки (с 8 по 20 июля) с Абалакской иконой ежегодно совершался крестный ход из с. Абалак в Тобольск и обратно, и, как в случае с Торгинским образом, 20 июля счи-

▲
Молебен в церкви с. Знаменка. 2010 г.

талось днем празднования иконы. Таким образом, принесенная из центральной Сибири иеромонахом Гермогеном или кем-то из казаков, Торгинская икона вполне могла сначала побывать на Амуре в Албазине, а затем быть принесена вместе с другими образами в Забайкалье, где и была прославлена. Хочется верить и надеяться на то, что в 1938 году она всё же не была уничтожена вместе с другими святынями Нерчинского Воскресенского собора, а была спасена кем-то из прихожан и до сих пор спрятана в каком-нибудь тайнике.

ПРИМЕЧАНИЕ:

- 1 Здесь и далее все даты до 1918 г. приводятся по старому стилю.
- 2 5,68 метра и 7,81 метра соответственно.

Николай КРАДИН (Хабаровск)

КОНДУЙСКИЙ ГОРОДОК: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди памятников древнего зодчества Забайкалья, дошедших до нас в археологических развалинах, особое место занимает хорошо известный в научной литературе Кондуйский городок, возникновение которого датируется XIII – XIV веками. Рассмотрим архитектурно-планировочные особенности этого памятника, а также его взаимосвязь с неизвестной специалистам Богородицкой церковью, построенной в селе Кондуй в начале XIX века.

Село Кондуй, основанное в 1773 году в качестве пограничного казачьего поста, находится в Борзинском районе Забайкальского края, примерно в 90 км к северо-востоку от районного центра. Кондуйский городок расположен в 8 км к югу от села Кондуй. Оба памятника разделяет не столько расстояние в несколько километров, сколько время почти в пять столетий. Казалось бы – что общего между ними? И, тем не менее, они имеют тесную связь друг с другом. Дело в том, что в качестве строительного материала для церкви были использованы развалины Кондуйского городка, в частности, руинированные остатки его дворца.

Если Кондуйский городок достаточно хорошо и подробно исследован археологами и известен в специальной литературе, то о церкви этого не скажешь. Первое и единственное краткое описание ее было выполнено забайкальским исследователем А.К. Кузнецовым. Обмеров же церкви в то время сделано не было вовсе. Подробное исследование и обмеры церкви были выполнены в 1979 году сначала Н.П. Крадиным, а затем в 1984 году Н.П. Крадиным и И.В. Галузовой при участии студентов архитектурного факультета Хабаровского политехнического института (К.О. Болдовский, А.А. Николаев, С.Н. Шанаурин, С.И. Демчук, А.В. Ребитва, С.Ф. Базунов). Не сохранилось о ней (во всяком случае, пока не выявлено) и проектных чертежей, а также фотографий первоначального вида.

В более чем вековой истории изучения развалин Кондуйского городка было немало и открытий, и недоразумений. Так, в 1867 году инженер А. Павлуцкий назвал развалины дворца остатками кумирни, гранитные изваяния драконов принял за идолов, а базы колонн – за постаменты для этих идолов. Через двадцать с небольшим лет, в 1889 году, эту версию подтвердил А.К. Кузнецов. Правда, он внес некоторые корректизы в «открытие» своего предшественника, приняв гранитные базы колонн не за постаменты для идолов, а в качестве «седалищ для лам».

Трудно сказать, чем руководствовались оба исследователя, но можно предположить, что свои выводы они сделали на основании увиденного храма. В построенной в 1806 году Кондуйской церкви, по всему ее периметру, в стены были вмурованы в качестве строительного материала 64 изваяния, но расположили их не горизонтально, как было во дворце, а вертикально, причем тыльной стороной наружу. Таким образом, морды драконов оказались в толще стен, а рельеф их затылок, как ни странно, стал чем-то напоминать человекоподобные фигурки. В результате многократных побелок стен церкви четкость рельефных очертаний постепенно исчезала, а сходство с фигурками становилось все отчетливее.

Это недоразумение было снято после проведения археологических раскопок, которые проводились в 1957–1958 годах под руководством С.В. Киселева. Раскопками целиком был исследован главный кондуйский холм, в результате чего составлен подробный план остатков дворцового комплекса. Особую ценность в этом плане представляет средняя часть комплекса, где выявлены и зафиксированы сохранившиеся на своих прежних местах гранитные базы колонн. К сожалению, несколько десятков таких же оснований с южной и северной сторон дворца были вывезены для строительства кондуйской Богородицкой церкви, на ремонт Цугольского дацана и строительные нужды кондуйских жителей. Однако несмотря на столь существенные утраты, раскопки помогли выяснить конфигурацию всего комплекса и его дворца. Это удалось сделать благодаря сохранившимся подпорным стенкам, располагавшимся по периметру двух террас, на которых и располагались павильоны дворца.

Следует отметить, что еще в 1798 году, задолго до постройки церкви, остатки дворцового комплекса обследовал П.К. Фролов, сын знаменитого русского изобретателя К.Д. Фролова. Исследуя Забайкалье, он побывал на развалинах Кондуйского дворца, которые тщательно зафиксировал на двух чертежах, выполненных в карандаше с отмывкой. Материалы эти хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

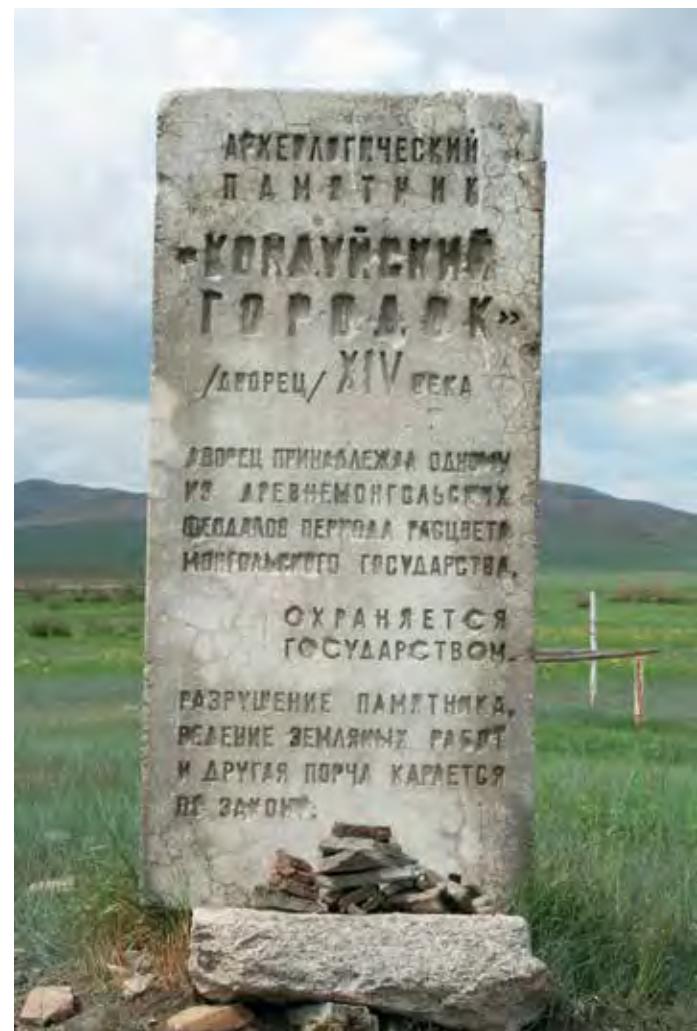
Что же представлял собой Кондуйский городок и его главный композиционный центр – дворцовый ансамбль? Судя по археологическим данным, это был дворец крупного монгольского феодала юаньской эпохи, окруженный торговыми ремесленными поселениями. Собственно дворец, поставленный на двухступенчатой платформе, был окружен хозяйственными павильонами (в уровне двора), симметрично расположеннымми относительно главной оси север – юг. С южной стороны во дворец вели ворота, за ними располагался просторный двор, в глубине которого, на платформе над объемом дворца, вздымались ярусы черепичных кровель. Справа и слева двор обрамляли павильоны, поставленные параллельно основной оси. Схематичный чертеж развалин комплекса наглядно свидетельствует, что вся планировка здесь построена по принципу глубинно-пространственной композиции, с четко выраженной осью симметрии. С северной стороны дворцовый ансамбль обрамлялся тремя павильонами, поставленными в линию перпендикулярно главной оси. Далее, замыкая ось, на расстоянии около 100 м располагался

небольшой жилой комплекс, состоящий из трех построек, тоже, кстати, имеющий в своей основе симметричное построение. Несколько таких же комплексов в виде курганов и холмов сохранились с восточной стороны от дворцового ансамбля. По-видимому, это были усадьбы ближайших родственников феодала.

Такое близкое размещение к ханской усадьбе жилищ его родичей было традиционным в городах древней Монголии. Об этом красноречиво свидетельствует, например, знаменитый Рашид-ад-дин, путешественник XIII века, побывавший в древне-монгольской столице Каракоруме. Когда Каан сделал пышный дворец в Каракоруме местом своего пребывания, то «последовал указ, чтобы каждый из его братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось великое множество...».

Основными компонентами дворцовой усадьбы, как видим, были дворец, ворота и стены. В миниатюре этот набор повторялся и в малых усадьбах. Незыблемой и в том, и в другом случае оставалась схема планировочной композиции – симметрично вдоль продольной оси с ориентацией ее с севера на юг. Таким образом, симметричные группы из четырех холмов в окрестностях дворцового ансамбля можно представить в виде конкретных построек – жилого дома, двух павильонов и ворот. Все постройки, по-видимому, были объединены или валом, или деревянной оградой с традиционной двухскатной крышей. Известно, что в Каракоруме все постройки дворца были окружены общей кирпичной стеной. Краткое описание этого комплекса дал в середине XVIII века Гильом де Рубрук: «В Каракоруме у Мэнгу имеется рядом с городскими стенами большой двор, обнесенный кирпичною стеною, как окружают у нас монашеские обители. Там помещается большой дворец, в котором хан устраивает попойку дважды в год: раз около Пасхи, когда он проезжает там, и раз летом, когда возвращается... Там имеется также много домов, длинных, как риги, куда убирают съестные припасы хана и сокровища». Кстати, Рубрук сравнил композиционную схему дворца в Каракоруме с храмом с нефами: «Дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн».

Степень сохранности остатков Кондуйского дворца позволила получить богатую информацию о его размерах, планировочной композиции, строительном материале, декоре, цветовом решении и пр.

Дворец представлял собой крупный комплекс, для возведения которого поблизости было налажено производство кирпича – остатки печей для его обжига найдены археологами. Находившийся в центре ансамбля холм, на котором располагался дворец, занимал территорию более 6000 кв. м.

Сохранившиеся на своих местах базы колонн, и выявленные раскопками контуры платформы, в центре которой размещался дворец, позволяют с большой долей достоверности воспроизвести его планировочную структуру и гипотетически реконструировать объемно-пространственную композицию. Реконструировать же сочленения отдельных элементов этой композиции и в целом конструктивное устройство дворца, а также всего комплекса, возможно лишь при детальном знании всех тонкостей строительства подобного рода сооружений в Китае и Монголии X–XV веков. Нужен поиск как можно большего числа аналогов, их детальный анализ и отбор. Проводивший раскопки Кондуйского городка С.В. Киселев отмечал, например, его большое сходство с дворцом

Угедея в Каракоруме. В качестве аналогов необходимо вести поиск, прежде всего, тех дворцов, которые имеют планировку, разработанную по принципу доу-гун¹. Исследователь еще тогда обратил внимание, что «на примере дворца в Кондье этот принцип планировки получил в Монголии такое же полное развитие, как и в Китае».

К сожалению, не нашлось пока архитектора-реставратора, который взялся бы на основании материалов раскопок С.В. Киселева и его исследований представить в графической реконструкции архитектурный облик Кондуйского дворца, имеющего огромный научный интерес как для археологов, так и для архитекторов. Об этом его значении С.В. Киселев писал следующее: «Архитектура Кондуйского дворца ясно доказывает, что принципы планировки, которые впервые в Монголии так ярко выразились в построении Кара-Корумского дворца Угедэя, со временем упрочились и, развиваясь, достигли большой степени совершенства». Сохранившиеся на месте базы колонн и их следы

дают основание к достоверному предположению о устройстве на них колоннады трех павильонов. По сохранившимся остаткам, зафиксированным раскопками, выявлены пандусы, ведущие на нижнюю и верхнюю террасы дворца. Не возникает особых проблем и по вопросу размещения гранитных драконовидных изваяний по контуру террасы. Террасы, кстати, оказались исследованными более всего. Вот что писал о них С.В. Киселев: «Террасы Кондуйского дворца украшала покрытая красным лаком деревянная балюстрада, столбики которой были укреплены в квадратных пазах специальных гранитных плит. Кроме того, по нижней террасе, выступая личинами наружу, были выставлены гранитные изваяния, изображающие морды драконов, кабановидных и с рогами лани». Подобные аналогии имеются, например, в сохранившихся до настоящего времени дворцах в Китае. Так, в Пекинском дворце устроены три террасы, и там изваяния выставлены не только по контуру нижней, а по всем трем террасам. К сожалению, для реконструкции

объемно-пространственной композиции Кондуйского дворца имеющихся данных пока недостаточно. Нужны дополнительные поиски и исследования.

О строительстве Богородицкой церкви мало что известно. Лишь недавно удалось найти в архиве Санкт-Петербурга один из документов, проливающих свет на ее историю. В октябре 1804 года епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин отправил в Святейший синод свой рапорт с изложением вопроса о необходимости строительства каменной церкви в Кондуйском селении. Излагая во всех подробностях суть просьбы, Вениамин писал в своем послании: «Нерчинское духовноеправление при доношении представило мне вступившее во оное Нерчинского и Заводского заказов разных селений и разного звания от жителей за рукоприкладством согласие, в котором представляли: что находясь они от своих приходских церквей в дальнем расстоянии, во исправлении духовных треб претерпевают нужду, а потому намерены они в признанном ими способном месте в селении Кондое вновь построить во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Святых мучеников Кирика и Улиты каменную церковь...». Обращаясь к церковным властям, жители многих селений Нерчин-

ского округа, как отмечает Вениамин, жаловались на отсутствие храма: «...селения от приходских церквей расстоянием состоят дальние в двухстах верстах, а другие не ближе ста верст, и за таковым дальним расстоянием нередко случается больные помирают несподобившимися должного христианского напутствия, а младенцы без крещения, а притом многие кочующие между означенными селениями тунгусы соглашаются ко крещению, но за отдаленностью церквей и священников остаются без крещения. Что нетерпимо понудило их к сооружению церкви в средине всех в селении Кондое, а хотя оное селение ныне еще немноголюдно, но всеми угодьями яко то хлебопашеством, покосами, лесами и водой выгодно, и от всех селений к проезду удобно, почему многие туда переселяться желают; а особенно когда церковь сооружаться будет в скорости умножится жителями, на которое сооружение на первый случай доброхотно обнадеживают в прикладе деньгами до трех тысяч рублей, а к тому и всем надобным усердно спомоществовать будут, а потребные материалы имеются в близости».

Епископ Вениамин честно признался в своем рапорте, что решение о позволении строить в Кон-

две новую церковь он принял самостоятельно, без консультаций с начальством. При этом вопрос об отводе земли поселенцам для размещения кладбища и на содержание будущих при церкви священнослужителей он с Иркутским губернским правлением не согласовывал, полагая, «что в тамошнем месте земли имеется довольноное число и пустолежащей». Понимая, что подобное согласование лишь отнимает время, он «от того сношения удержался».

Рассмотрев рапорт епископа Вениамина, Синод 22 декабря 1804 года специальным указом разрешил строительство в селении Кондуе каменной Богородицкой церкви, и в 1806 году она была возведена. Заготовка строительных материалов и строительство храма осуществлялось силами прихожан. Местный житель, казачий урядник Эпов, исследуя развалины Кондуйского городища, обнаружил под толстым слоем наноса большое количество кирпичей, камней, украшений и различных керамических изделий. Чтобы довести до конца свои предприимчивые поиски, он обратился в Нерчинское духовное правление с предложением использовать остатки древнего дворца в качестве строительного материала для новой церкви. Такое разрешение вскоре последовало, и санные обозы

потянулись за село, к развалинам дворца монгольского феодала.

Для церкви было выбрано самое видное место, на пригорке, в центре села. Не имея архивных источников о Кондуйской церкви, трудно сказать, по каким планам и чертежам ее строили. Можно лишь предполагать, что в качестве образца мог быть использован какой-либо план, а в остальном, как показывает анализ сохранившегося храма, строительство велось местными силами. Возможно, за процессом строительства присматривал местный инженер, присланный из Нерчинска или Читы. Не просто ответить и на вопрос о наличии у храма аналогов. Просмотр планов большого количества церквей и других графических и фотоматериалов русских храмовых сооружений XVII–XIX веков мало что дал. Что касается конфигурации и композиционной структуры плана, то удалось выявить несколько подобных церквей, построенных в первой половине XVIII века в Подмосковье. Это Спасская церковь в с. Павельцево (1715 г.), Благовещенская в с. Сальково (1704 г.), Казанская в с. Киясово (1701 г.), Казанская в с. Суково (1745 г.).

Сравнивая конструктивные и объемно-про-

странственные характеристики этих церквей, можно говорить о некотором сходстве с кондуйской церковью лишь двух из них – Спасской в с. Павельцево и Казанской в с. Суково, причем ближе всего по композиции к кондуйской суковская церковь. В ней та же бесстолпная конструктивная система и тот же объемно-пространственный строй. Любопытно и то еще, что оба храма имеют прак-

тически одинаковые габариты в плане. Весьма существенны при этом и отличия. Так, в кондуйской Богородицкой церкви пространство между алтарем и трехсветным храмовым объемом разделено скорее чисто условно – одним широким арочным проемом, в Казанской же церкви в этом месте имеется трехарочный проем. Очертания апсид в храме и приделе кондуйской церкви граненые, а у Спас-

ской – полуциркульные.

Композиционная структура плана Богородицкой церкви строго осевая: апсида, помещение храма, трапезная, колокольня. Симметрия оси нарушена сдвигкой трапезной в южную сторону и пристройкой придела со своей апсидой. Внутри храма пространство придела объединено с трапезной и перекрыто одним цилиндрическим сводом, расположенным перпендикулярно оси церкви (запад-восток). Четверик храма имеет квадратное в плане основание с размерами (по внутренним стенам) 4,6x4,7 м. Внутреннее пространство этой части церкви, возвышаясь, переходит в восьмерик, перекрытый восьмилотковым сомкнутым сводом. Стены внутри храма гладкие, декора и следов иконостаса не сохранилось. Толщина стен, сложенных из камней, взятых из развалин Кондуйского городка, достигает одного метра. Снаружи плоскости стен расчленены пиластрами, соответствующими членениям внутреннего пространства церкви.

Как уже отмечалось, кроме строительного материала (кирпич, камни) из развалин древнего городка для строительства Богородицкой церкви были использованы и декоративные элементы, в частности, драконовидные изваяния, а также базы колонн. Изваяния в основном использовались на фасадах храма: на северном фасаде их 19, на восточном – 13, на южном – 18 и на западном 14. В размещении прочитывается определенная система. Все они поставлены в два ряда. Нижний – на цоколе, а верхний – в средней части плоскости стен, в специальных нишах. Всего в нижнем, надцокольном ряду поставлено 34 элемента, а в верхнем на четыре меньше. Представляет интерес, что нижний пояс проходит по всему периметру церкви, охватывая и придел. Элементы верхнего пояса размещены полукольцом: начинаясь от алтарной части южного придела, они проходят через весь придел, переходят на оставшуюся часть южного фасада, затем на западный, а на северном проходят только лишь по стене трапезной. На всей алтарной части церкви, таким образом, верхний пояс отсутствует. Нет его и на северном фасаде храмового объема. Гранитные блоки, являющиеся базами колонн дворца, установлены в цокольной части. Выдаваясь окружностями наружу, они фиксируют углы объемов церкви и основания пилasters. Всего лишь несколько блоков вставлены в цоколь как бы случайно, безотносительно к углам и пиластрам.

Что касается утрат Богородицкой церкви, то это, прежде всего, ее завершение. Не сохранилась главка, венчавшая двухъярусный цилиндрический барабан над куполом. Разрушена и колокольня, следы которой выступают над коньком двухскатной крыши на грани-

це входного портика и трапезной. Что касается портика, состоящего из четырех колонн прямоугольного сечения, то он, видимо, пристроен к храму позднее. На это указывает его несколько иная стилистика и, самое главное, материал. Он полностью выложен из кирпича. Это даже и не портик, а притвор, имеющий три арочных проема на западную, и по одному на северную и южную стороны. Опоры соединены друг с другом лучковыми арками, подчеркнутыми тройными валиками. Над ними сделан упрощенный фриз с карнизным поясом. Треугольный фронтон зашифрован досками.

Исследуя кондуйские древности, А.К. Кузнеццов отметил, что дома казаков и каменная церковь «довольно неуклюжей архитектуры» расположены на красивом возвышенном месте. В чем же проявляется эта «неуклюжесть архитектуры» храма? Исследователя, видимо, шокировала грубоść кладки, неровность стен, отсутствие пропорций в объемах и членениях, приземистость церкви. В то же время контраст низкого пространства входной части и трапезной с высоким, светлым пространством храмового объема можно рассматривать и как интересный композиционный прием. Однако главная ценность и оригинальность Богородицкой церкви состоит в том, что для ее строительства в качестве материала были использованы остатки средневекового дворца монгольского феодала. Сохранившиеся в стенах декоративные элементы дворца представляют сегодня большую научную и художественную ценность.

Используя чуждые русской средневековой культуре декоративные элементы монгольского дворца, строители церкви, по-видимому, и не задумывались над мыслью – как это будет выглядеть? А может быть, именно понимая эту чуждость, они замуровали лики драконов в толщу стены, превратив изваяния из декоративных элементов просто в строительный материал, показывая скорее фактурность тыльной стороны блоков, но никак не пластику лицевой. И лишь случайное совпадение рисунка этой стороны с человекоподобными фильтрами породило их новую трактовку.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1 **Доу-гун** – система многоярусных деревянных кронштейнов, которая, увенчивая опорный столб в месте его соединения с горизонтальной балкой, принимает на себя тяжесть этой балки и служит для поддержки большого выноса широких крыш, равномерно распределяя их тяжесть. Доу-гун состоит из ряда изогнутых брусьев, наложенных друг на друга и далеко выступающих за пределы здания.

Петр СТУКОВ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ЛЕТОПИСИ

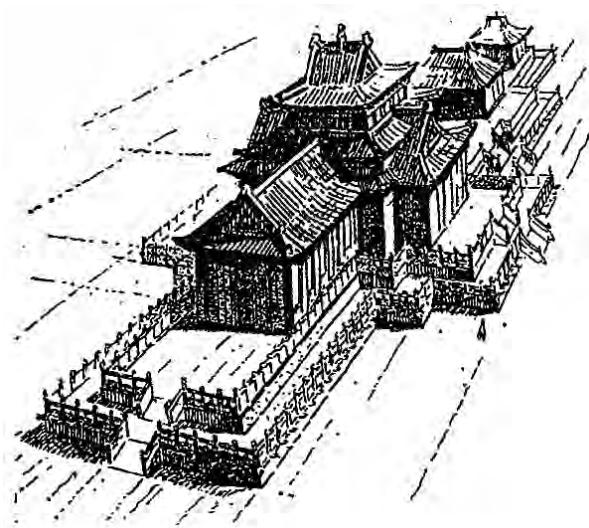
Кондуевской Богородице-Рождественской
церкви и легендарное бурятское сказание
о происхождении названий кондуевского
караула и окрестных местностей¹

Местность, заселенная Кондуевским караулом², представляет немало любопытного и интересного как в археологическом, так и в этнографическом отношении. Здесь каждая гора, каждая долина имеет свою историю. Но несмотря на этот интерес, она не удостоилась исследования наших сибирских членов Географического общества. Может быть, пройдут еще десятки лет, и этот глухой, заброшенный и отдаленный край заслужит внимания людей, интересующихся наукой и древностью.

Прежде чем приступить к изложению исторических сведений о заселении Кондуевского караула, не лишне сказать несколько слов о местности, окружающей его, для ее характеристики. Долина, или, по местному выражению, «падь», а правильнее сказать холмистая степь, не уступающая по обширности американским саваннам, называемая Урулунгуй, берет свое начало далеко за пределами Монголии и, выходя из-за границы, то расширяется в необозримую степь на десятки верст и представляет широкую равнину, насколько может охватить глаз, покрытую травяною растительностью; то боковые холмы ее сходятся на полуверстное расстояние, вдаваясь своими утесами в середину долины и как бы желая стиснуть широкую ее мощь. Наконец, она раскидывается широко неоглядной гладью, как безбрежное море, и оканчивается перед многоводною Аргунью. Долина эта доставляет тучные пастбища неисчислимым табунам разного рода животных, составляющих единственное богатство пограничных казаков, тунгусов и бурят, ко-чующих во множестве по этой долине. На всем несколько сот-верстном расстоянии ее впадают в нее, в разных направлениях, с обоих сторон отпадки³ или долины меньших размеров, чем Урулунгуй. В одном из таковых отпадков, идущем с левой стороны по течению речки Уруленгуй, верстах приблизительно в 15 от устья ее, расположен Кондуевский караул, заселенный казаками Забайкальского казачьего конного войска. Он расположен на правой стороне пади, в лощине между двух высоких гор. Издали Кондуй видится как бы стоящим в узкой щели, тогда как на самом деле местность, занимаемая Кондаем, довольно широка и красива. На пригорке с правой стороны по течению речки Кондуй живописно расположены довольно красивые дома казаков. На верхней окраине караула, среди поселения, возвышается каменный храм, старинной незатейливой архитектуры, но замечательный тем, что построен из кирпича разрушенного дворца монгольского князя, жившего тут до завоевания русскими Сибири. Но об этом речь будет ниже.

О первом заселении Кондуевского караула, как и вообще о всех сибирских поселениях, не сохра-

нилось никаких письменных памятников, только передается из рода в род устное предание, сохранившееся у старожилов – казаков Эповых, о том, что первым родоначальником их рода был мещанин города Яранска, Вятской губернии⁴, Василий Эпов⁵. В 1720 году Василий Эпов, избегая рекрутского набора, бежал из своего города и, увлеченный «охочими людьми», прибыл в город Иркутск, в котором и приписался к мещанскому сословию. Так как Василий Эпов на своей родине учился с малолетства слесарному ремеслу, то в Иркутске он и занялся этой работой. Но этот труд мало вознаграждал Эпова, да тянуло его туда, где были привольные места, о которых он наслышался из рассказов прохожих людей, чтобы там заняться более любимым делом – земледелием. Таким образом, Василий Эпов вскоре отправился за Байкал, прибыл в Нерчинский край, который в то время мало еще был населен, и избрал местом жительства плодороднейшую долину, вверх по течению реки Нерчи, селение Зюльзинское⁶. Местность эта, как удобная и для скотоводства, и для хлебопашства, понравилась Эпову, и он пожелал остаться тут навсегда. Здесь он женился, и впоследствии у него родились 4 сына: Николай, Прокопий, Иван и Симеон⁷. Последние два сына, после уже смерти отца, имевшие пристрастие к скотоводству и желая заняться таким, наслышались, что на границе Монголии есть привольные степи, удобные для пастбищ, и порешили переселиться туда. По тщательном осмотре пограничной местности, они нашли более удобным для жительства один отпадок, в 50 верстах от границы монгольской и в 40 верстах от нынешнего Кондуевского караула, впадающий с правой стороны в долину Уруленгуй, называемый по-тунгусски «Олкучин»⁸. В Олкучине братья Эпова скоро развели громадное скотоводство и табуны коней, и прожили тут до самой смерти. Младший брат Симеон⁹, умирая, по своему религиозному усердию завещал своей жене и детям построить каменный придел к Торгинскому храму¹⁰. Жена и дети горячо приняли к сердцу завещание его и скоро бы привели таковое в исполнение, но Господь, по Своему премудрому усмотрению, устроил иначе. Вместо пристройки придела к Торгинскому храму, Эповы построили новый храм на том месте, где чувствовалась в нем крайняя нужда для местных жителей, так как в том районе, на 100 верст в окружности, в то время не было ни одного храма. Построению храма в Кондуевском карауле сопутствовало еще следующее обстоятельство: русское правительство, по своим политическим соображениям, желая обеспечить пограничную линию от набегов монголов, нашло нужным заселить на границе Монголии из-

▲ Кондуйский городок. Графическая реконструкция Кондуйского дворца.
Л.К. Минерта

вестные пункты конными казаками, которые вместе с тем относили бы и кордонную службу. В силу этого распоряжения военного начальства Эповы разбились на две партии. Одна партия – дети Ивана¹¹ поселились в 20 верстах от Олкучина, ближе к монгольской границе, на месте, носящем название в настоящее время Соктуевский караул¹². Другая же часть – дети Семена двинулись на запад и поселились в 40 верстах от прежнего места жительства, в Кондуйском карауле, который в то время начал уже заселяться. По переселении в Кондуй, благочестивая вдова Мария Семеновна Эпова¹³, памятуя о завещании своего умершего мужа о пристройке придела к Торгинскому храму, усмотрела, что в Кондуюе, окруженному кочующими во множестве бурятами и тунгусами, настоит крайняя нужда в постройке храма. На счастье ее недалеко от Кондуюя нашелся готовый материал для постройки храма. Она порешила вместо придела [к Торгинскому храму] построить в Кондуйском карауле каменный двухпрестольный храм. В то время был известен строительством многих каменных храмов в Забайкалье протоиерей Нерчинского собора Кирилл Суханов¹⁴. К нему-то старушка Эпова и обратилась с просьбой принять на себя труд в постройке каменной церкви в Кондуюе, указав при этом на готовый материал, заключающийся в отесанном камне и обожженном кирпиче, оставшихся от разрушенной стойки одного монгольского князька. Отец протоиерей Суханов, всегда отзывчивый на добрые дела, не заставил себя долго ждать. Он немедленно при-

был в Кондуюе и, осмотрев место, назначенное под постройку храма и готовый материал, приступил к ходатайству перед епархиальным начальством о разрешении построить храм в Кондуюе. Разрешение на это от епархиального начальства не замедлило последовать. В 1806 году протоиереем Сухановым, с благословения Божия и Иркутского архиепископа, было приступлено к постройке храма на средства Эповой. Одновременно было два придела, первый, главный в честь Рождества Пресвятой Богородицы, второй – во имя Святых Мучеников Кирика и Улиты. Этот придел, как строившийся из готового материала, был окончен и освящен в том же году. Придел же в честь Рождества Пресвятой Богородицы сложен только до половины из готового кирпича и камня. Другая же, верхняя половина оного, достроена кирпичами, приготовленными на средства Эповой, поэтому окончен он был только в 1815 году. Следы древнего искусства от княжеской стойки сохранились в стенах Кондуйского храма: рельефные изображения, до половины туловища, людей или языческих идолов¹⁵.

Относительно происхождения названия Кондуйского караула существует разногласие. По мнению некоторых знатоков монгольского языка и пограничных местностей, название Кондуйе происходит от бурятского слова Кундуй, которое значит: долина – падь. Дзон-Кундуй – левая падь, Барон-Кундуй – правая падь. В подтверждение этого словоизводства указывают на то, что в семи верстах вправо, ниже от Кондуюя, выходит падь, носящая и в настоящее время то же название, как и селение, расположенное в ней, – Барон-Кундуй. По всему вероятно в прежнее время левая падь, в которой стоит Кондуйский караул, носила название Дзон-Кундуй. А так как Дзон-Кундуй был заселен ранее Барон-Кундую, и в 1806 году в нем начата постройка церкви, то по отношению к последнему он поимел преимущество, и в силу этого обстоятельства должен был занять первое место перед вторым. Таким образом, за ним, как за главным селением, осталось название Кондуйе без частицы дзон. Это объяснение, хотя и голословное и не основанное ни на каких исторических данных, во всяком случае, более заслуживает вероятности и близко к истине, чем изложенное ниже.

Другое мнение о происхождении и названии Кондуюя и других мест, выдаваемое местными знатоками казаками за истинное, имеет, по моему мнению, легендарный характер и основано лишь только на одном бурятском предании. Вот что повествует это предание. В Монголии незадолго до завоевания русскими Сибири жил князь по имени Тумур-Тогот-Хан, очень богатый человек, имевший

в своем семействе жену и одного сына Контоя. Этот молодой человек, шатаясь по Монголии и пограничным с ней местностям, влюбился в одну бурятскую девушку Бальджит-Кутум и без дозволения отца женился на ней. Боясь гнева отца за свой самовольный поступок, Контой бежал от него и поселился со своей молодой женой при слиянии двух рек (без названия). Здесь Контой скоро приобрел известность и славу в среде окрестных кочевников своим происхождением и нажитым богатством. Постоянно кочуя и живя около упомянутых речек, он дал им свое имя – Кундуев, причем правый Кундуй, в отличие от левого, назван Барон-Кундаем. Впоследствии слово Кундуй при произношении русскими обратилось в Кондуй. Контой, проживши на этом месте довольно долгое время, сделался настолько богат, что в этом отношении превзошел своего отца. В это время у его отца Тумур-Тогот-Хана умерла первая жена, и он женился на другой. Вторая жена Тумур-Тогот-Хана оказалась женщины честолюбивой и завистливой. Она узнала о большом богатстве своего пасынка, стала завидовать ему и уговорила старика-отца, чтобы он, под предлогом прощения, вызвал сына с женою к себе. Старый Тумур-Тогот-Хан, беспрекословно исполняя просьбу своей молодой жены, потребовал Контоя к себе. Контой сначала уклонялся от вызовов отца под разными предлогами, а потом, под влиянием своей жены, стал упорствовать против приказаний его. Наконец, старик отец, после неоднократных требований и угроз, выведененный из терпения, и к тому же подстрекаемый своей женой, послал за Контаем отряд воинов с наказом непременно захватить и привезти к нему Контоя с женою и движимым имением, а недвижимое разрушить. Когда посланный отряд стал подходить к стойке Контоя, то он, видя превосходство врага, уступил силе и согласился идти к отцу. Но не так поступила его жена Бальджит-Кутум. Она, лишь только узнала через вестников о приближении отряда и одна завидела его, села на буро-крылатого (есть у бурят такая масть лошадей) мерина и побежала вверх по течению реки Кондуй. В отряде воинов заметили бегство Бальджит, и часть его бросилась за ней в погоню. Бальджит, пробежав от своей стойки более 50 верст, была настигнута преследователями, которые, чтобы задержать ее бегство, убили под ней лошадь. Падь эта с того времени получила название Курундзалаи¹⁶, от того, что лошадь, убитая под Бальджит-Кутум, по цвету шерсти называлась курин-дзалаан. Но этим поступком воины не задержали Бальджит, от этой беды она не растерялась. Тотчас же схватив первую попавшуюся лошадь, понеслась стрелою далее, по правой стороне реч-

ки Борзи и, пробежав такое же почти расстояние, она опять была настигнута в пади. Здесь во время схватки с преследователями Бальджит-Кутум потеряла со своего малахая¹⁷ знак княжеского достоинства, ядор, от этого слова получила название самая падь Иедортуй¹⁸. Здесь, с большим трудом отбившись от своих врагов, Бальджит опять побежала и опять вскоре была настигнута в одной пади врагами; которые все-таки, при всех своих усилиях, не могли её схватить и только успели вырвать у нее котёл, по-бурятски тогон, отчего и падь та названа Тоготуй. Продолжая бежать, Бальджит-Кутум наконец добежала до одного озера и здесь, ослабевши от нанесённых ей ран и на уставшем коне, она не могла бежать далее и была схвачена своими преследователями. Но Бальджит ни за что не хотела вернуться как к своему мужу, так и к отцу его в Монголию. Несмотря на её упорство, враги не отпускали своей пленницы и хотели непременно доставить её к Тумур-Тогот-Хану живой. Но Бальджит решительно заявила им, что ни за что не поедет в Монголию, хотя бы это стоило ей жизни, и просила, чтобы они покончили с ней и тело её бросили бы в это озеро. Преследователи, видя её упорство, так и поступили с ней, как она просила: они убили Бальджит и тело её бросили в озеро. Это озеро после этого события получило название Бальджино¹⁹ озеро (ныне оно в Читинском округе). Покончив со своей жертвой, враги возвратились к Контюю, увезли его вместе с движимым имуществом к отцу его Тумур-Тогот-Хану, а недвижимое, как то каменные здания и проч. разрушили. На этом кончается предание о Контое.

Вся церковная утварь, иконы в храм и колокола были завезены вдовой Эповой. И в настоящее время Кондуевский храм поддерживается и украшается казаками Эповыми, потомками Семёна и Марии Эповых.

Со времени освящения Кондуевского храма, при нём последовательно священниками служащие священники: первым священником с 1806 года был отец Стефан Пляскин, из учителей Нерчинского духовного училища, в 1820 году он состоял благочинным окрестных церквей и в том же году при Кондуевской церкви, по его ходатайству, был открыт второй штат причта. Одновременно с открытием второго штата был назначен в Кондуй вторым священником отец Василий Писарев. Оба эти священника служили с честью при Кондуевской церкви до 1825 года и переведены были, – первый к Чиндантской Георгиевской церкви, а второй – к Шивинской (Тургинской) Знаменской церкви. После них в том же году праздничные места заняли священники Антоний Громов и

Георгий Стуков. Последний в 1834 году помер, и тело его покоится при Кондуйской церкви. Место Георгия Стукова занял священник Пётр Виноградов. Этот пастырь отличался благочестием, смиренномудрием и добротой сердца. Этими лучшими качествами своей души он оставил в прихожанах добрую о себе память. Он один доле в всех предшествующих и последующих священников проплужил при Кондуевском храме. Его служение престолу Божию продолжалось с 1837 до 1857 год. В 1844 году священник Антоний Громов был уволен в за штат, и отец Пётр Виноградов до 1846 года был один при Кондуевской церкви. В 1846 году был переведен к сей церкви священник Василий Ощепков. Служение его в Кондуе продолжалось только до 1853 года; в этом году он был переведён в Ильинское село Верхнеудинского округа, близ Селенгинского Троицкого монастыря. По смерти отца Петра Виноградова (15 марта 1857 г.) священническое место оставалось довольно времени праздным, пока не было замещено священником Алексеем Булгаковым, уроженцем Тульской губернии, кончившим курс богословских наук в той же семинарии. В 1863 году священник Булгаков был переведён от сей церкви к Курлычинской церкви Нерчинского округа. После него священствовал недолгое время студент Иркутской духовной семинарии Симеон Стуков, в настоящее время достойный миссионер в Хоринском ведомстве. В сентябре 1863 года вместо отца Симеона Стукова был определён в Кондуй священник Павел Островский, воспитанник Костромской семинарии, прослуживший при сей церкви до 1870 года, в котором и скончался. С 1870 года до 1872 года священническое место оставалось праздным. В конце последнего года был назначен сюда священник Василий Писарев, уроженец Тургинский, окончивший курс воспитанник Иркутской духовной семинарии. Сей сосредоточенный в себе добрый пастырь прослужил в Кондуе только до 1873 года, в котором по просьбе своего отца был перемещён к Шивинской Знаменской церкви. С 1873 года по 1881 год настоятельствовал при сей церкви отец Николай Холмовский, уроженец Ярославской губернии, кончивший курс в Ярославской же семинарии. В 1881 году этот пастырь перемещён помощником настоятеля к Новотроицкой Троицкой церкви, где в настоящее время служит. С 15 сентября 1800 г. по 1-е мая 1881 года это место, как праздное, занято студентом Иркутской духовной семинарии Иннокентием Стуковым, который, впрочем, скоро переместился, по своей просьбе, к Донинской Михаило-Архангельской церкви, как в лучший приход в материальном отношении. В настоящее время,

при кондуевской церкви (со времени освящения её 13-й) священодействует отец Дмитрий Малышев, из воспитанников Иркутской духовной семинарии. Этот деятельный священник много сделал на пользу и украшение местного храма. При его содействии устроен на средства прихожан новый золочёный резной иконостас в приделе святых мучеников Кирика и Улиты, и на церковные средства храм оштукатурен внутри и снаружи и построена казённая ограда кругом его.

Из приведённого списка служивших священников при Кондуевской церкви видно, что Кондуевский храм оскудевал временно пастырями, но оскудение было неполное: когда не было при церкви своих местных священников, то в это время приходом заведовали священники других церквей, таковы были о. Алексей Прозоровский, о. Василий Соболев и о. Иоанн Попов.

За всё время своего существования Кондуевский храм был посещаем следующими архиапастырями: в 1844 году Высокопреосвященнейшим Нилом, который, заметив труды священника Петра Виноградова по обращению инородцев, кочующих в окрестностях Кондуя, в православие, наградил его набедренником; потом в 1855 году преосвященнейшим Евсевием; в 1864 и 1870 годах преосвященнейшим Парфением; в 1874 году преосвященнейшим Миртинианом; в 1877 году Высокопреосвященнейшим Вениамином и в 1880 году преосвященнейшим Мелетием, Епископом Селенгинским.

Прихожане Кондуевской церкви состоят из конных казаков, обывателей и ясашных. Весь Кондуевский караул населён казаками, большая половина которых – Эпова.

Русский тип выходца Василия Эпова теперь в его потомках совершенно выродился вследствие брачных союзов с инородцами, и именно с бурятским племенем, отчего образовался тип своеобразного культурно-пограничного казака – бурято-монгола. Таков тип и кондуевских казаков. В разговоре у них немало употребляется монголо-бурятских слов и вместо буквы «С» всегда слышится буква «Ш», и само умонастроение в понятиях и суждениях значительно обурялось; но при этом всё-таки нельзя не заметить в них проблесков любознательности и пытливости ума.

Все кондуевские казаки занимаются скотоводством и разведением конских табунов. Этот род хозяйства составляет главный предмет их богатства. Некоторые из казаков Эповых имеют до 2000 голов рогатого скота и лошадей и до 4000 голов овец. Земледелие составляет второстепенную отрасль их хозяйства. Стремление к образованию в

последние годы у кондуевских казаков постоянно растёт. На средства их, назад тому 7-8 лет, открыто и содергится приходское училище; дети некоторых из них обучаются в средних учебных заведениях; при училище казаки имеют своего учителя – Эпова, кончившего курс в Иркутской учительской семинарии.

Как велико влияние инородческого элемента на кондуевских и вообще всех пограничных казаков, это можно видеть из нижеследующего отрывка любимой их песни, в которой целая половина выражена монголо-бурятским словами:

**Ходила, гуляла улан базаган (красная девица),
Брала, брала ягодку улан дзогону (красную смородину);
Наколола ноженьку на нохой кондчор**

(на шипишку или собачье дерево).

Болит, болит ноженька идэгэ угэй (нет нагноения).

Любит меня миленькой енэртэнэ угэй (не забывает).

Спрашивает миленькой: хайши очиуху? (куда поедешь?)

Отвечает миленькая: гыртэ гараху (домой поеду).

Подготовка текста, комментарии, фото –

А.Ю. Литвинцев

ПРИМЕЧАНИЕ:

1 Текст с незначительными стилистическими и орфографическими правками приводится по: Прибавления к Иркутским Епархиальным Ведомостям. – 1884. - № 45. – 10 ноября. – С. 501 – 513. Автор – священник, благочинный Петр Стуков, с 1876 г. являлся настоятелем Николаевской церкви в Александровском заводе. При подготовке комментариев использованы материалы сайта «Род Эповых» (<http://www.еров.ru/>).

2 В настоящее время село Кондуй Борзинского района Забайкальского края.

3 Имеются в виду распадки – элементы рельефа местности, представляющие из себя низменность у подножья соседних сопок или пологих гор.

4 В настоящее время город Яранск Кировской области.

5 Эпов (Епов) Василий Васильевич (1698 – 1788), по разным данным – государственный крестьянин или мещанин, бежавший в Сибирь от рекрутского набора в солдаты. Добравшись до Нерчинска, обзавелся семьей, занимался плотничеством, дважды избирался сборщиком податей. Впоследствии жил в земельке на р. Хиле, в селах Торга (ныне Знаменка) и Большой Луг, затем обосновался в селе Зюльзя, где помимо ремесла занимался скотоводством. Много жертвовал на постройку и обустройство церквей в сс. Торга и Зюльзя.

6 В настоящее время село Зюльзя Нерчинского района Забайкальского края.

7 Один из потомства Эповых, Николай Константинович Эпов, получил высшее университетское образование, ныне состоит военным врачом г. Читы (Примечание П. Стукова). Речь идет о Николае Константиновиче Эпове (01.12.1851 – 1910), уроженце Цаган-Олуевского караула Забайкальской области. В 1872 – 1877 гг. Н.К. Эпов обучался в Императорской медико-хирургической академии, затем служил старшим военным врачом в Приморье, в 1884 г. состоял военным врачом г. Читы. С 1888 г. – действительный член Общества изучения Амурского края во Владивостоке, заведующий библиотекой (1892 г.), инициатор создания зоологической станции во Владивостоке, член Общества врачей Южно-Уссурийского края. В 1891 г. защитил докторскую диссертацию по медицине. Составил брошюру «Род Эповых» (1899 г.). С 1897 г. жил в Санкт-Петербурге, где служил начальником мастерских военно-врачебного заготовления и имел частную врачебную практику.

8 Название Олкучин кондуевские казаки производят от бурятского слова олкиху, значение которого различно и неопределенно, в роде того, что ехать и до конца не доехать (Примечание П. Стукова). В настоящее время данный топоним обозначен на карте как Алкучан – падь на территории Краснокаменского района Забайкальского края.

9 Эпов (Епов) Симеон (Семен) Васильевич (1745 – 1785), сын В.В. Эпова, уроженец с. Зюльзя. По протекции отца был записан в пограничные казаки, служил казачьим урядником в Цурухайтуевской крепости, Абагайтуе, впоследствии поселился в пади Олкучин (Алкучан), где занялся скотоводством и сколотил хорошее состояние. По рассказам старожилов, именно он первым решился раскопать толстый слой наноса над курганом Кондуйского городка, где обнаружил кирпичные стены, изваяния и прочие остатки дворца монгольского князя.

10 Подробнее об этом см. статью А.Ю. Литвинцева «Торгинская Святыня» в данном номере журнала.

11 Эпов (Епов) Иван Васильевич (1746 – 08.01.1788), сын В.В. Эпова, уроженец с. Зюльзя. По протекции отца был записан в пограничные казаки, дослужился до чина сотника. Умер в Чинданте.

12 В настоящее время село Соктуй-Милозан Краснокаменского района Забайкальского края.

13 Эпова (в девичестве Попова) Мария Семеновна (1745 – 1824), уроженка г. Нерчинска, жена С.В. Эпова. После смерти мужа вместе с детьми содержала большое хозяйство в Олкучине (Алкучане), позднее переселилась в Кондуевский караул. Была известна благотворительностью не только в Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах, но и в Иркутске. На собственные средства в 1806 – 1815 гг. построила в Кондее церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты, что обошлось ей в 80 тысяч рублей ассигнациями.

14 Суханов Кирилл Васильевич (07.01.1741 – 15.08.1810), уроженец с. Яренск Архангелогородской губернии, право-

славный священник-миссионер, иконописец, строитель церквей. В 1768 г. приехал в г. Нерчинск. В 1769 – 1771 гг. построил деревянный храм и написал для него иконы в с. Курлыч. В 1773 г. основал Суханову слободу в устье р. Бушулей и в 1775 г. построил там деревянную Троицкую церковь, которая вскоре сгорела, вместо нее в 1779-1882 гг. Суханов построил каменную. В разные годы был архитектором и строителем многих храмов в Забайкалье. Активно обращал в православную веру тунгусов, путешествуя с этой миссионерской деятельностью по Забайкалью с походной

церковью во имя Святого Животворящего Креста. После смерти был похоронен при входе в Нерчинский Воскресенский собор.

- 15 На самом деле это изваяния драконов (подробнее об этом см. статью Н.П. Крадина «Кондуйский городок: новые исследования» в данном номере журнала).
- 16 В современной топонимике Курунзулай.
- 17 Малахай – шапка на меху с широкими наушниками.
- 18 В современной топонимике Эдортуй.
- 19 В современной топонимике Бальзино.

Алексей МЯСНИКОВ (Чита)

«ЗДЕСЬ, В СУМРАКЕ СТЕПЕЙ, В УЕДИНЕНИИ»...

Из истории исследования
монгольских древностей

По бескрайней даурской степи бежит ничем не примечательная на первый взгляд речка Урулонгуй. Возле ее притока — Хирхиры есть место, где в XIII веке стояло крупное монгольское городище. Археологам удалось установить,

что оно было крупным военным и торгово-административным центром монгольской державы, созданной великим Чингисханом. В 50 километрах от Хирхиры, в долине реки Кондуй ветра гуляют по остаткам роскошного дворца XIV века. С этими памятниками связаны старинные красивые легенды, их окружает ореол таинственности. Неудивительно, что они привлекают самых разных людей: поэтов, инженеров, археологов.

Любопытно, что одним из первых кондуйскими развалинами заинтересовался человек, далекий от романтики, и, очевидно, равнодушный к древностям. В начале XIX в. казачий урядник Эпов предложил использовать их в качестве строительного материала для церкви. Население поддержало идею предпримчивого казака.

Один из первых поэтов Забайкалья Федор Иванович Бальдауф воспел руины Кондуя в стихах:

**Здесь, в сумраке степей, в уединеньи,
Где след минувшего давно успел остыть,
Сильней кипит порыв воображенья,
Здесь тихим шепотом преданье говорит.**

В 1824 году Генерал-Губернатор Восточной Сибири передал начальнику Нерчинских заводов Т.С. Бурнашеву, что граф Н.П. Румянцев «изъявил особенное желание иметь из сибирского края некоторые вещи заслуживающие внимания по своей древности, как-то: монету прежних иноплеменных обитателей Сибири, рукописей их и прочее сему подобное». Т.С. Бурнашев живо откликнулся на эту просьбу и поручил своим подчиненным заниматься поисками памятников древности. Вскоре ему начали присыпать топоры, наконечники стрел и другие «редкости».

Горный специалист Злобин рапортовал Бурнашеву, что в Нерчинском Заводе хранится «надпись на камню <...> и несколько обделанных наподобие драконов из граниту истуканов, о которых уже и было припечатано в Сибирском вестнике Г. Спасского». Действительно, в 1818 г. известный исследователь Сибири и чиновник горного ведомства Г.И. Спасский опубликовал статью о развалинах Кондуйского дворца и Хирхиринского городища. В ней он упомянул об изваяниях так называемых кондуйских драконов и описал большой гранитный камень «с прекрасно высеченною на нем восточными буквами надписью» (*то есть монгольской – А.М.*). Этот монумент забайкальские ламы окрестили «Чингисовым камнем». Гораздо позже загадочную надпись перевел бурятский ученый Доржи Базаров: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ Сартаял возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучигае, то Исунке получил в удел 335 воинов хонгодорских». Князь Исуункэ – племянник великого хана, был владельцем Хирхиры (род. 1185 г.). Его отец Джочи-Касар прославился как отважный и хитрый воин. В 1203 году, чтобы успокоить своего заклятого врага Ван-хана, он оставил у него в стане восемнадцатилетнего Исуункэ, жену и

еще двух сыновей. Хитрость принесла успех. Ванхан пал. Впоследствии Исункэ выполнял секретные поручения Чингисхана, командовал гвардией и участвовал в сражениях до самой старости.

Г.И. Спасский склонялся к мысли, что Чингисов камень «принадлежит к числу памятников найденных при разрытии древних развалин на Кондье». Не обошел он вниманием и другую точку зрения, согласно которой камень с надписью находился «при развалинах Киркиринских». Таким образом, был поставлен вопрос о происхождении данного памятника.

Примечательно, что монумент вместе с гранитными драконами хранился в нерчинско-заводской библиотеке, находившейся в одном помещении с минералогическим музеем.

В 1829 году Чингисов камень, по требованию Кабинета Его Императорского Величества, отправили в Санкт-Петербург. Четыре года спустя новому начальнику заводов С.П. Татаринову пришел запрос из столицы: «1) Когда и кем был найден сей гранитный монумент и когда доставлен в Нерчинский завод; 2) Действительно ли найден он в так называемых Кондуйских развалинах на левом берегу реки Урулюнгуй, впадающей в Аргунь или в каком другом месте?». «Все сии изыскания» решено было поручить «отряжаемым по казенной надобности сведущим и любознательным чиновникам». Выбор пал на горного инженера, обер-гиттенфервалтера Таскина.

В сентябре 1833г он отправился в долину р. Урулюнгуй с целью изучения местных древностей. Результатом его изысканий стало «Донесение по осмотру древних развалин с представлением медной монеты с монгольской надписью и рисунка кондуйским развалинам». Стоит заметить, что в деловой документации того времени, как правило, назывались только чины и фамилии служащих. Поэтому установить личность автора вышеупомянутого документа было нелегко. Помог случай. Я, просматривая архивное дело о награждениях и присвоении чиновникам званий, обратил внимание на имя обер-гиттенфервалтера Андрея Таскина, которого предполагалось произвести в майоры. Затем стал изучать формулярные (послужные) списки (1829). Выяснилось, что Андрей Николаевич Таскин (не путать с поэтом Алексеем Таскиным) – выпускник петербургского Горного кадетского корпуса, с 1817 по 1819 год работал помощником управляющего Дучарским заводом, затем служил приставом на Благодатском и Кличкинском рудниках, сопровождал караван с серебром в Санкт-Петербург, успешно управлял Александровским заводом (1825-1828), был членом комиссии по обложению инородцев Восточной

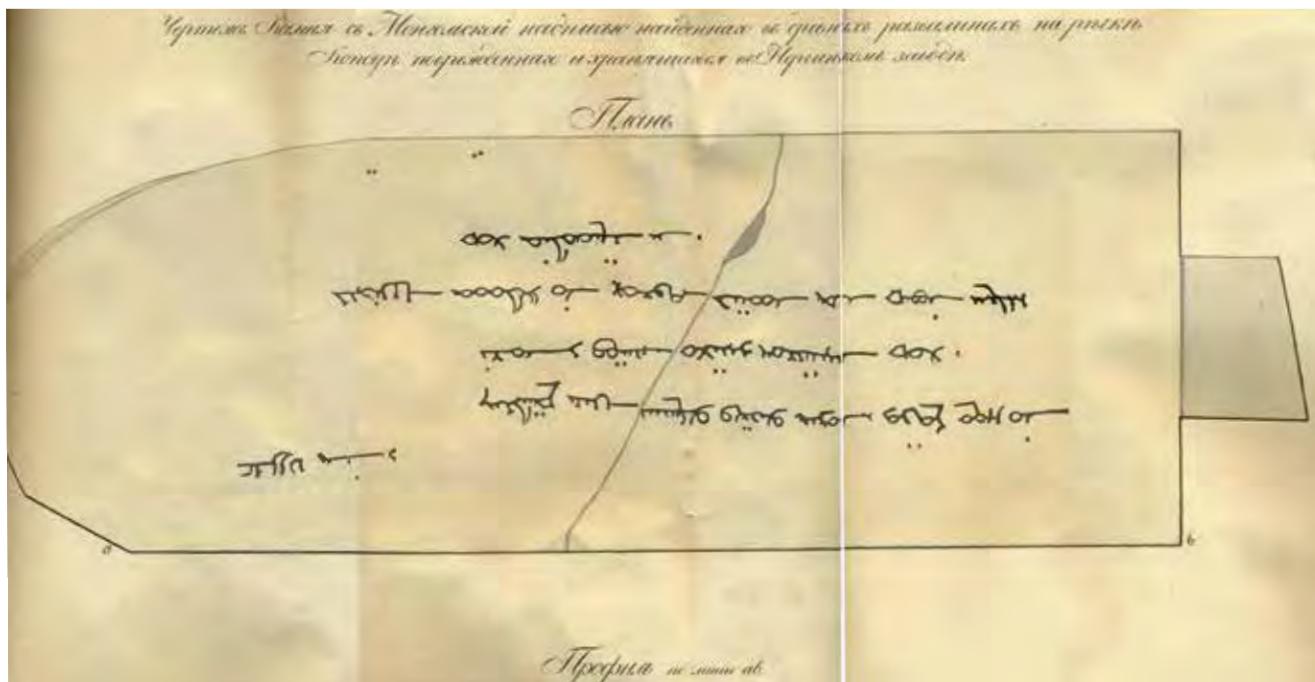
Сибири новыми податями. Удалось найти и его автограф. После сопоставления их с подписью под текстом Донесения по осмотру древних развалин, сомнений не оставалось: на Кондье и Хирхире в 1833 году побывал именно Андрей Таскин.

В названной работе предпринята попытка выяснить обстоятельства открытия Чингисова камня. «Сей гранитный камень доставленный в 1832 г. в Санкт-Петербург и оказавшийся столь важным и единственным памятником времен знаменитого Чингис-Хана, найден или лучше сказать открыт был (по уверению унтершихтмейстера Мыльникова, ибо настоящих актов о том не найдено) в 1802 году бывшим начальником Нерчинских заводов Черницыным и в том же 1802 году по распоряжению его был доставлен в Нерчинский Завод».

Таскин был одним из первых, кто не связывал происхождение Чингисова камня с Кондуйским городком. Опираясь на показания Мыльникова, он утверждал, что плита с монгольской надписью находилась в 17 верстах от Кличкинского рудника на левой стороне Хирхире. Это место, указывалось в донесении, «ограничивает невысокая круглая возвышенность (наподобие кургана) имеющая в диаметре 1,5 сажени, по окружности которой в некотором определенном порядке расположены небольшие круглые гранитные плиты; но было ли на сем месте какое-либо здание, копище или временное жилище кочевого народа или просто оно было только основанием на котором воздвигнут был упомянутый гранитный камень как памятник, и современен ли он жизни Чингис-Хана или поставлен во славу его после? Все сие разрешить в настоящее время ни местность, ни даже темные предания и потому никакие умозаключения не могут».

Донесение по осмотру древних развалин примечательно и тем, что в нем описываются остатки Хирхиринского городища: «по течению р. Хоркиры на правой ее стороне при самом почти соединением ее с Урулюнгаем находятся также развалины под именем городков... Из сих развалин вырыта служителем Чупиным по моему распоряжению тут работавшим, медная монета с монгольской надписью». Выходит, что А. Таскин предпринял первые раскопки Хирхире.

Исследователь также привел подробные сведения о самом Кондуйском дворце. «Развалины сии более прочих следы бывшего тут здания, по крайней мере, остался видимым в некоторых местах самый фундамент, на котором покоились стены здания... Здание сие, как изволите увидеть из рисунка, имело 32 сажени в длину, большая же ширина оного была 21 сажень. Расположение его крестообразно... На некоторых местах во внутренности здания сохранились

Эстамп Хирхиринской плиты, хранившейся в нерчинско-заводском музее

и поныне гранитные квадратные плиты, имеющие вид пьедесталов и служивших как бы основанием колоннам; сверх сего тут же находятся некоторые гранитные украшения, представляющие вид особых зверей».

В заключение автором было выдвинуто предположение относительно функционального назначения выявленных построек в прошлом: «Сторожили сей слободы, следяя прежним, хотя слишком преданиям, объяснили мне, что здание сие у прежнего кончевого тут народа составляло капище, и что оно было деревянное только на фундаменте сложенном из кирпича и гранитных камней; но при изъятии сего

последнего для церкви, кроме фундамента ничего другого при сём здании уже приметного не осталось. Хотя доверяя столь темному преданию в заключении на счет Кондуйских развалин, но судя по величине, особенно по расположению строения и остаткам гранитных украшений, нельзя не согласиться, что оное было действительно капище или кумирня разрушенная насильственно или постепенно».

В дальнейшем Кондуй и Хирхиру посещали многие ученые, пытаясь проникнуть в тайны древнемонгольских городов. Но никто из них так и не вспомнил о скромных стараниях Андрея Таскина – первого исследователя этих руин.

Александр ЛИТВИНЦЕВ (Нерчинск)

ЛЮБИТЕЛИ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Домника Савватеевна Шилова, председательница Нерчинского кружка любителей музыки и литературы, не без душевного волнения перебирала конверты с письмами, полученными ею за прошедшую неделю. Наступил ноябрь 1912 года, за окном уже стоял крепкий забайкальский мороз, а от этих бумаг словно бы излучалось какое-то необъяснимое тепло. Тепло душевных и искренних слов разных добрейших людей, знакомых и незнакомых. Отложив эту стопку на край стола, Домника Савватеевна открыла чернильницу, достала бумагу, перо и стала выводить каллиграфическим почерком учительницы со стажем:

“

«Редактору газеты «Забайкальская Новь»,
г-ну Ю.О. Горбатовскому. Милостивый государь,
господин Редактор! Обращаюсь к Вам с покорнейшею
просьбою не отказать поместить в Вашей уважаемой
газете следующее:

По случаю исполнившегося 25-летия моей деятельности
в Нерчинском кружке любителей музыки и литературы,
мною получены поздравления от
общественных учреждений и частных
лиц. Не имея возможности лично
благодарить всех, настоящим письмом
прошу общественные учреждения и
всех лиц, почтивших меня своим добрым
вниманием в день 25-летнего юбилея
существования кружка любителей
музыки и литературы, принять мою
глубокую и искреннюю благодарность.

Домника Шилова».

”

Эта небольшая благодарность была опубликована в № 1577 «Забайкальской Нови» за 1912 год. Сама же театральная жизнь зародилась в Нерчинске многими десятилетиями раньше. По сведениям Е.Д. Петряева, первый спектакль в Нерчинске состоялся в 1841 году на «святах» в «работном доме» в Култуке (район в верхней части города) [Петряев, 1959, с. 49]. Организатором любительского театра был местный мещанин В. Арсентьев [там же, с. 48]. В тот период нерчинцы выписывали довольно большой перечень журналов, но пьесы в них печатались редко, и выбор был крайне ограничен. Арсентьев писал нерчинскому краеведу М.А. Зензинову: «Группа весельчаков желает доставить здешней публике небольшое удовольствие представлением некоторых пьес. Гений этот можно заимствовать из театральных книг, а как я слышал, что у вас таковые есть, то, обращаясь к вам, покорнейше прошу не отринуть сей просьбы, не оставить одолжением таковых более занимательных, а для публики надежных к увеселению...». Вверху записки сохранилась пометка Зензинова: «Дано 7 комедий в папке». Возможно, что это были пьесы, написанные самим Зензиновым: отрывки из некоторых его драматических сочинений печатались в столичных журналах [там же, с. 49].

С конца 1850-х гг. спектакли в Нерчинске ставились регулярно по несколько раз в год. Первоначально собственной сцены самодеятельные актеры не имели и выносили свое творчество на суд зрителей там, где придется: в уездном и духовном училищах, в частных или нежилых домах. В середине 1860-х гг. братьями Бутиными был выкуплен большой дом в самом центре города, который они отделали и посвятили Мельпомене [Нерчинские

▲
А.И. Шумихин

спектакли, 1876, с. 5]. Это было здание, в котором с 1877 года разместилось Общественное собрание и театралы получили свою постоянную прописку [Устав, 1877]. «Чтобы дать понятие о репертуаре нерчинской сцены, достаточно сказать, что комедии Островского почти все перебывали на ней, — сообщала газета «Сибирь»...

Спектакли в Нерчинске даются всегда с благотворительной целью. Благодаря им духовное училище имеет ученическую библиотеку; женская гимназия владеет капиталом в 15 тыс. рублей, из которых целые 10 тыс. руб. приобретены спектаклями... В 1873 году давались спектакли по случаю 200-летнего юбилея Петра I; в 1874 году в пользу музыкальной нерчинской школы; в настоящее время любители радеют в пользу бедной рапи (славянское население Турции, не принявшее магометанства — А.Л.), горя сочувствием к несчастным братьям славянам» [Нерчинские спектакли, 1876, с. 5-6].

“
...Чтобы дать понятие о репертуаре нерчинской сцены, достаточно сказать, что комедии Островского почти все перебывали на ней, — сообщала газета «Сибирь»...

”

Вообще же, надо отметить, что тяга к театральному искусству у горожан была высока. Спектакли и литературно-музыкальные вечера организовывались фактически во всех учебных заведениях и в домах знати, и, конечно же, в Общественном собрании. Правда, не всегда эти постановки можно было назвать удачными. Так, в № 2 от 12 февраля 1878 года корреспондент газеты «Сибирь» сообщал из Нерчинска: «14 декабря [1877 года] любителями сценического искусства были представлены «Шутники» Островского. Общее впечатление от этого спектакля получилось такое, что любителям совершенно не надо браться за пьесы Островского, а выбирать что-нибудь полегче. На сцену явились личности, совершенно темные относительно сценического искусства. Некоторые роли в «Шутниках» были совершенно обезображенены исполнителями. Публики было очень мало».

В 1881 году по инициативе одного из служащих фирмы Бутиных, Алексея Ильича Шумихина, возник кружок книголюбов, получивший название «Чайный клуб» [Петряев, 1959, стр. 69]. Одной из задач, прописанных в его «уставе», была организация по праздникам литературно-музыкальных и «вокально-чайных» вечеров, с целью «привлекать в свою среду оркестрантов, ораторов и музыкантов». Вступительный взнос в клуб составлял 15 рублей, и вход тоже был платным. Поэтому далеко не все желающие могли стать его членами, а в начале 1890-х гг. клуб и вовсе закрылся [там же, стр. 79].

Тем не менее, спектакли периодически ставились и даже приносили доход, который тратился не только на обеспечение любителей декорациями, костюмами и реквизитом, но и на общественные нужды. «Любителями сценического искусства дан был 24 февраля спектакль в пользу Нерчинского уездного училища, — писала «Сибирская Газета» в № 14 от 3 апреля 1883 года. — Это первый в Нерчинске спектакль, в котором был применён известный циркуляр относительно устройства частными лицами разных публичных собраний. Пришлось просить телеграммой у г. губернатора в Чите разрешения на устройство спектакля (разрешение получено на 3-й день); распорядитель спектакля должен был дать подпись о том, что все правила, указанные в циркуляре, будут выполнены, и, наконец, пришлось соблюсти всю процедуру относительно продажи билетов, уплаты расходов (при посредстве особо назначенного чиновника) и представлении квитанции в вырученных деньгах г. губернатору. Весь сбор дал 439 руб., а за расходом в 225 р. осталось чистого доходу 214 р.».

Сценические неудачи сменялись полноправным триумфом. «...Я не могу не сказать несколько слов о нашем последнем спектакле, бывшем 27 числа минувшего месяца, — писал корреспондент под псевдонимом Молодой Нерчуганин в № 30 «Сибирской Газеты» от 27 июля 1886 года. — Спектакль этот как по выбору пьесы, так и по дружному исполнению был настолько удачен, что обойти его молчанием невозможно. Была поставлена комедия А.И. Пальма «Господа Избиратели». Пьеса эта, несмотря на некоторые её чисто сценические недостатки, как, например, чрезмерно длинные акты и т.п., — в общем, имеет большие достоинства, типична по характеру и тонкому юмору. Пьеса эта «идеальная», имеет большое «воспитательное» значение. В тех обществах, где общественная атмосфера душна, где существует полнейшее безразличие к добру и злу, где хищники сделались чуть не обычным явлением, там давать такие пьесы полезно как можно чаще. Исполняли пьесу наши любители так хорошо, как не исполняли раньше ни разу. Роль Радеева, — этого честного, но крайне бесхарактерного человека, — Д.П.П. провел прекрасно, хотя в последнем акте местами и впадал в шарж. Вводную, но весьма типичную, роль купца Топтыгина, г. I. провел с такой правдивостью, и так рельефно оттенил типические черты, что лучшего и желать невозможно. В мимике, жестах, интонации и даже в походке, мы видели не г. I., а того хитрого плута и протобестии из формации «новых хищников», который, хотя и кажется добродушным и наивным, а при случае даже говорит про нужды промышленности и «дезинфекцию», но на самом деле — это один из вреднейших «плотоядных». Г.С., игравший «дельца и продажного писаку», передал свою роль умно, правдиво и правильно. В игре С. гадкий тип этот предстал перед зрителями во всей своей безобразной наготе. Исполнившему эту характерную роль не трудно, что называется, «пересолить», но г. С. вполне соблюл «чувство меры» и в его игре незаметно было ни малейшей утрировки. Из новых лиц женского персонала была очень хороша г-жа Р., игравшая «бой-бабу» — Половецкую. В игре её не пропало ни одного слова: она так оттеняла слова «хехиства», «коварства», «страсти» и «иронии», что такое глубокое понимание роли и каждого слова привело в восторг интеллигентную часть публики.

М-ле М. в первых актах была «обыкновенна», но зато последний монолог произнесла с такой глубиной чувства и столько в него вложила страсти и задушевности, что заставила забыть свои предыдущие погрешности.

Остальные участвующие не портили ансамбля. Спектакль давался в пользу здешней библиотеки;

к сожалению, сбор был не полный; валового сбора оказалось около 250 рублей».

Таким образом, к середине 1880-х годов в Нерчинске уже вполне сложились свои театральные традиции. Своебразной проблемой было лишь

▲ Г.А. Стуков

“

...Любителями сценического искусства дан был 24 февраля спектакль в пользу Нерчинского уездного училища, — писала «Сибирская Газета» в № 14 от 3 апреля 1883 года, — Это первый в Нерчинске спектакль, в котором был применён известный циркуляр относительно устройства частными лицами разных публичных собраний...

”

◀ Сцена из спектакля

то, что деятельность любителей не была «узаконена», что порой затрудняло решение, прежде всего, финансовых вопросов. Именно поэтому в 1886 по инициативе Алексея Кирилловича Кузнецова был основан Кружок любителей музыки и литературы, поставивший себе целью «знакомить местное общество с лучшими произведениями музыки и литературы, и доставлять тем разумные, приятные, полезные и общедоступные развлечения, оказывая в то же время своей деятельностью материальную поддержку общественным учреждениям, нуждающимся в частной благотворительности» [Устав, 1887, с. 1]. Кружок давал его членам возможность более широкой благотворительной деятельности, «чем это было до сих пор, когда кружок не был организован и сплочен как должно, не имел своего устава и находился в большой зависимости от разных случайных обстоятельств», – сообщалось в № 50 газеты «Восточное Обозрение» от 11 декабря 1886 года.

Согласно Устава кружка, его члены имели право устраивать музыкально-литературные вечера с танцами, концерты, спектакли, вечера с детскими спектаклями, играми, пением и танцами для детей, ёлки, живые и туманные картины с объяснениями. При этом нужно было соблюдать определенные правила того времени: если предполагалось исполнение музыкальных произведений или пьес, не изданных в печати, они должны были в обязательном порядке пройти цензуру и обо всех своих мероприятиях организаторы должны были уведомлять местное полицейское начальство [Устав, 1887, с. 2]. Кружок получал право приобретать на свое имя движимое и недвижимое имущество, имел собственную печать, основные средства его формировались из членских взносов, входной платы и пожертвований. Состав его мог иметь неограниченное число равноправных членов обоего пола, которые подразделялись на: почетных членов, членов-соревнователей, членов-посетителей

“

Согласно Устава кружка, его члены имели право устраивать музыкально-литературные вечера с танцами, концерты, спектакли, вечера с детскими спектаклями, играми, пением и танцами для детей, ёлки, живые и туманные картины с объяснениями.

”

▲ Декорации на сцене Нерчинского театра

Живая картина «Привал охотников»

и членов-исполнителей. В почетные члены избирались лица, особенно содействовавшие успехам кружка или его материальному обеспечению. При этом они не подлежали никаким обязательным взносам, а Генерал-Губернатор и Военный Губернатор Забайкальской области считались почетными членами кружка автоматически по своему званию. Звание члена-соревнователя присваивалось ли-

ление кружком осуществлялось общим собранием [там же, с. 3-5].

Первыми членами кружка во главе с председателем А.К. Кузнецовым состояли: Д.С. Шилова, П.Ф. и Д.М. Иорданские, О. Горшкова, Михайлова, Т.М. Масюков, А.И. Шумихин, И.В. Багашев и другие. Казначеем был избран Г.А. Стуков. Деятельность свою кружок открыл 2 ноября 1886 года литературно-музыкальным утром, а 14 ноября того же года был дан первый спектакль по пьесе А.Н. Островского «Доходное место».

Появление кружка не обошлось без курьёзов и даже скандалов. Об одном из них сообщал в № 12 от 22 марта 1887 года нерчинский корреспондент газеты «Сибирь»: «С ноября месяца здесь образовался кружок «любителей музыки и литературы»; учреждение кружка дело хорошее и каждый порядочный человек должен этому радоваться,

цам, вносящим в пользу кружка ежегодно не менее 50 рублей или оказывающим значительные услуги личным трудом. Членом-посетителем могло быть всякое лицо, сделавшее установленный взнос в кассу кружка: для одиноких 6 рублей в год, для семейных – 10 рублей. Членами-исполнителями считались непосредственно самодеятельные актеры, освобождавшиеся от обязательной платы. Управ-

▲
А.В. Михайловский (справа)

тем более, что в числе членов кружка есть люди, достойные всякого уважения. Вот из-за этого-то кружка у нас вышел такой «казус», хуже которого трудно было ожидать. Дело в том, что кружком был дан спектакль, исполнение которого, к «несчастью», не понравилось некоторым молодым людям и, между прочим, одному заподозриваемому в писательстве. Кажись-бы из-за этого ничего не могло выйти, – мало ли бывает примеров: что одни нравится, другим нет. Но у нас вышло иначе: нашлись люди, которые передали любителям, что заподозриваемый в писательстве послал в газету про игру любителей не только «критику», но и настоящий пасквиль, где они, любители, обруганы самым злостным образом, причем затронута даже их частная жизнь! Благоразумный человек не обратил-бы внимания на такую «сплетню», зная хорошо, что игру любителей можно только «разбирать», но никак не ругать. Так к этой сплетне и отнеслись более благоразумные члены кружка. Но, к сожалению, нашлись два «добровольца» по сыскной части, которые «с пеной у рта» набросились на воображаемого корреспондента и, несмотря на все его заверения, не постыдились учинить настоящий

«сыск», сопровождаемый даже «чтением в сердцах». Когда же заподозренный категорически заявил, что корреспондент о спектакле он не писал, но что исполнение некоторых ролей было неудачно и, как бы не превозносили гг. добровольцы эту игру, он позволяет себе иметь свое мнение, тогда добровольцы, возмущившись тем, что он позволяет «смель сюё суждение иметь», и «дерзает» не соглашаться с их «непогрешимо-ученными» мнениями, окончательно взбесились и начали изрыгать по его адресу ругательства, а когда он, корреспондент, стал отпирать их удары, то они не остановились даже перед таким делом, как донос! Донос этот заключался в том, что они начали перед его, корреспондента, начальником выставлять действия его в своем непривлекательном виде и почти требовали надеть на него «узду». Последствием этого доноса было то, что заподозренный в писательстве вынужден был отказаться от места!... Один из добровольцев, положим, уголовный К., но другой – просто больной, бесхарактерный человек, но зло-то всё же сумели сделать».

А вот что вспоминал о первых годах существования кружка священник А. Добромыслов, который в с 1883 по 1888 год был воспитанником Нерчинского духовного училища: «Половина наших преподавателей того времени, как то: Т.М. Масюков, Г.А. Стуков и Мих. М. Архангельский были деятельными членами кружка. Наше училищное начальство во главе с гуманным смотрителем, протоиереем отцом П. Затопляевым, не боялось тлетворного влияния театра, и охотно водило нас на генеральные репетиции. Как сейчас представляю покойного Т.М. Масюкова в комических ролях комедий Островского, которые особенно ему удавались. Помимо спектаклей кружком устраивались музыкальные, вокальные, литературные вечера, в которых большое участие принимал и наш училищный хор. Нужно заметить, что Т.М. Масюков был знаток музыки вообще, а пения в особенности. Умерший ныне Г.А. Стуков хорошо играл на скрипке. Его квартира помещалась в училищном здании внизу, а над нею, вверху, помещалось зало, в котором по вечерам мы готовили уроки. Было принято, что члены кружка по очереди собирались и играли. Когда собирались у Г.А., для нас был праздник. Когда внизу заиграют, мы вверху припадем ушами к полу и ловим чарующие звуки. Неоднократно надзиратель заставал нас за такими занятиями.

С легкой руки кружка стали устраиваться спектакли у нас в училище, где исполнителями являлись исключительно учащиеся. Помянутый выше смотритель о. Павел Затопляев поощрял спектакли. Бывало, отправляется депутация к смотрителю

▲ Здание Общественного собрания

◀ Здание Общественного собрания.
Вид со двора

испросить разрешение на спектакль. Примет и спрашивает, на какой пьесе остановились, сам же всегда рекомендовал ставить «Недоросля». Парики, грим и всё прочее любезно доставлял названный кружок, причём душа его А.К. Кузнецов гримировал. На спектакль приглашались горожане, которые молодых артистов награждали сладостями, а иногда и деньгами. Между прочим, у меня в памяти сохранился такой случай. Играли я Пульхерию Ивановну в «Старосветских помещиках». В одном месте приходится ей угощать гостя наливками и закусками. Одна бутылка была так крепко закупорена, что я,ничтоже сумняшися, вытащил пробку зубами. Ино-

“

С легкой руки кружка стали устраиваться спектакли у нас в училище, где исполнителями являлись исключительно учащиеся. Помянутый выше смотритель о. Павел Затопляев поощрял спектакли. Бывало, отправляется депутация к смотрителю испросить разрешение на спектакль.

”

“

Нельзя не отнести с самою тёплою симпатией к скромной деятельности нашего кружка любителей. Устраиваемые кружком спектакли и вечера, не блестя талантами и не гонясь за большим, за очень редкими исключениями, бывают вполне удовлетворительными, или, как обыкновенно в этих случаях выражаются, «удаются», и нисколько этому не мешает общее безденежье и застой, посещаются охотно, проходят очень оживленно и, доставляя, таким образом, публике развлечение, дают с тем вместе немаловажную поддержку некоторым нуждающимся полезным учреждениям города, как то училищам, библиотеке, музею и другим.

”

гда устраивались в училище музыкально-вокально-литературные вечера, где исполнителями были учащиеся с участием некоторых членов кружка. Как сейчас помню, хор поёт величественную ораторию «Море житейское», некоторые места в которой хватают за душу.

Церковный хор при члене кружка Т.М. Масюкове стоял на самой высокой точке своего развития. Члены кружка в нём тоже участвовали. Мы, ученики, были избалованы хорошим пением. Бывало, только и дожидаешь «Херувимской», «Милость мира» и за-причастного концерта. Вот уже 25 лет как я из училища, а ещё помню мотивы некоторых песнопений, а я не был певчим. Иногда училищный хор Великим постом в общественном собрании исполнял соответствующие моменты номера. Публика имела удовольствие слышать такие напитальные вещи, как: «Разбойника благоразумного», «Чертог твой вижу, Спасе мой» и прочее. С особым удовольствием я вспоминаю это далёкое прошлое, бывшее светлым пятном на сером фоне бурсыцкой жизни» [Добромыслов, 1912, с. 3].

Ежегодно кружком ставилось до 10 спектаклей, организовывалось несколько литературно-музыкальных и танцевальных вечеров. На большие праздники – Рождество, Новый год, Пасху и другие, самодеятельные артисты были в авангарде по организации всевозможных представлений. «Нельзя не отнести с самою тёплою симпатией к скромной деятельности нашего кружка любителей. Устраиваемые кружком спектакли и вечера, не блестя талантами и не гонясь за большим, за очень редкими исключениями, бывают вполне удовлетворительными, или, как обыкновенно в этих случаях выражаются, «удаются», и нисколько этому не мешает общее безденежье и застой, посещаются охотно, проходят очень оживленно и, доставляя, таким образом, публике развлечение, дают с тем

вместе немаловажную поддержку некоторым нуждающимся полезным учреждениям города, как то училищам, библиотеке, музею и другим. Так за три последние года своего существования кружок...пожертвовал до 2000 р. на самые насущные нужды городских и других учреждений, помимо удовлетворения собственных нужд – заведении декораций, имущества и прочего», – писала газета «Восточное Обозрение» в № 15 от 15 мая 1890 года.

«Кружок любителей нынешний сезон с похвальной энергией и с полным успехом поработал и потрудился в этом отношении, а вместе и на пользу разных общественных учреждений, нуждающихся в благотворительности. В результате – 2213 р. 30 к. валового сбора, из которого 200 руб. пожертвовано в пользу местной женской прогимназии, 280 р. 78 к. в пользу городской общественной библиотеки, 75 руб. местному тюремному комитету на улучшение продовольствия «мира отверженных», 200 р. в пользу голодающих из далёкой России и 157 р. 85 к. в пользу местного общества попечения о начальном образовании. Не была забыта кружком и обществом попечения также местная учащаяся и не учащаяся детвора. На Рождестве была устроена по подписке ёлка, а на масленице для всех учащихся (до 700 человек) в учебных заведениях города два бесплатных вечера, которые прошли очень удачно, доставив немалое удовольствие детям исполнявшимся на них номерами пения, чтения и проч., а в особенности характерными танцами косарей, русской пары, цыганского танца, польки и других. Кроме того, каждый учащийся, обласканный и наполненный чаем с вкусным печеньем, получил в подарок какую-нибудь учебную вещицу или книжку и пакет сладостей. Средства для вечеров составились частично из подписки, частично из платы за вход (для взрослых) и из средств кружка – 108 рублей», – сообщалось в № 16 газеты «Байкал» от 4 июля 1899 года.

«Во время Великого поста по примеру прежних лет, от имени общества попечения о начальном образовании и кружка любителей музыки и литературы, устраивались народные чтения с цветными картинами. Серый люд совсем отсутствовал на чтениях, которые посещались почти исключительно учащейся девстворой. Прочитано было «О Волге», «Отчего и как движется паровоз по железной дороге» – Животовского, «Отчего происходит дождь и снег» – его же, «Архангельские китоловы» – Сенковой, «В подземном царстве» и «Уничтожение на земле Господа нашего Иисуса Христа», – писала та же газета годом ранее, в № 18 от 8 мая 1898 года.

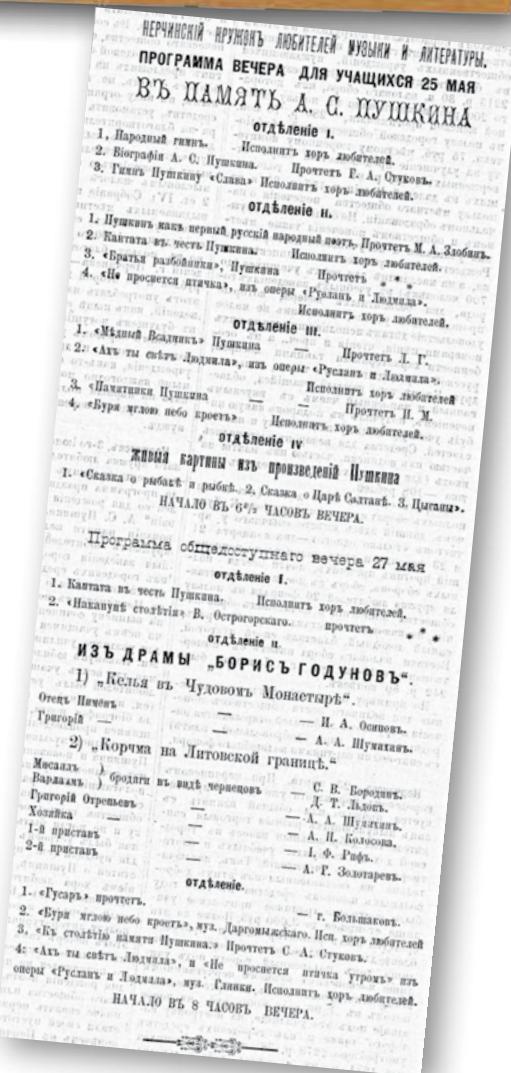
Но, несмотря на все успехи, были у кружка и свои недоброжелатели. «Кому-бы, казалось, могли мешать столь почтенные и, как видите, далеко не бесплодные усилия кружка дать обществу хоть что-нибудь, вместо царящих «винта» и «генерала», дать нуждающимся учреждениям города настоящий рубль-целковый, а не одни фальшивые благожелания и благожелательные вздохания? Кому, казалось-бы, могла мешать столь скромная деятельность кружка, соединенная всегда для стоящих к ней близко лиц с тяжелыми затруднениями, а иногда и с немалыми неприятностями, не говоря уж о материальных жертвах, которые сплошь и рядом приходится нести на себе, чтоб только не истратить лишнего рубля из общественного достояния – сбора с публики? При таких условиях для всякого беспристрастного наблюдателя остается только пожалеть, что кружок любителей за последнее время по разным причинам лишился многих своих лучших сил и не может пока проявить своей деятельности в той степени и с таким успехом, как-бы это было желательно. Но уж такова видна природа захолустья, что без пакостей ни на шаг!

Есть субъекты, которые как будто даже рады этому обстоятельству, у которых кружок почему-то засел костью в горле и чем-то мешает. И это не одни какие-нибудь Кит-Китычи, нраву которых не препятствуй, а интеллигенты, со стороны которых цели кружка и его посильная деятельность должны-бы, по-видимому, встречать полное одобрение и поддержку, вместо лягания. Во всяком случае, даже независимо от того, дурны или хороши устраиваемые кружком любителей спектакли и вечера, едва ли город в каком отношении хоть что-нибудь выигрывал, если бы кружок почему-либо прекратил свою деятельность, что, конечно, несравненно легче сделать, чем устроить хотя бы один спектакль. И если бы даже допустить, что деятельность здешнего кружка не есть отрадное желанное явление, не есть светлое пятно на том сером фоне нашей захолустной жизни, о котором

Сцена из спектакля

говорилось выше, зато уж она, по самому существу своему, никоим образом не может быть и пятном мрачным, как не может быть таким пятном, ну хоть школа грамотности в деревне. Если кружок не плюс для Нерчинска, то уж ни в коем случае и не минус или одна из отрицательных сторон, которых в жизни захолустных городков и без того очень много всяких других, как это всем известно и усматривается из тех же вышеприведенных выдержек. Таким образом, остается пожелать, чтобы деятельность нашего кружка любителей продолжалась и впредь с той же энергией, как это было до сих пор» [Нерчинск в 1889 году, 1890, № 15, с. 12].

Афиши и программа вечера памяти Пушкина

Одним из главных нареканий к самодеятельным театралам было то, что они часть вырученных от спектаклей сумм тратили не только на благотворительность, а в том числе и на чаепития во время репетиций, а, по слухам и сплетням, также и на шампанское. «И кто бы, вы думали, эти негодующие ревнители общественного блага? – задавала вопрос газета «Восточное Обозрение» в № 13 от 30 января 1894 года, и сама же давала ответ – Это, между прочим, те рыцари без стыда, то бишь без страха и упрёка, которые никогда палец о палец не ударив в пользу ревниво защищаемых ими учреждений, не стыдятся, например, будучи состоятельными, пользоваться, вместе с чадами, домочадцами и даже добрыми знакомыми из библиотеки книгами и журналами бесплатно... До сих пор эти радетели не могут понять, что здесь, в Нерчинске, самоё существование библиотеки возможно только благодаря плате более или менее состоятельных под-

ки и литературы устраиваются народные чтения (музыкально-литературные вечера) с туманными картинами. Первое чтение было 5-го марта: «О жизни и подвигах Иннокентия, архиепископа Камчатского и Курильского, впоследствии митрополита Московского». Второе – 12-го марта – «Начало христианства на Руси». На 6-й неделе поста, 19 марта, имеет быть третье чтение (духовный концерт) – «Уничтожение и смерть Спасителя».

За первые 10 лет существования кружком было собрано более восемнадцати с половиной тысяч рублей валового дохода. «Конечно, большая часть этой суммы ушла на заведение декораций, кулис, инвентаря и вообще на расходы, с которыми неизбежно сопряжено устройство спектаклей, музыкально-литературных вечеров, общественных ёлок и прочего. Но немало перепало также и собственно на текущие насущные нужды города. Так, городская общественная библиотека и публичный

“

Общими усилиями... кружка любителей музыки и литературы, общества попечения о начальном образовании и училищ, Нерчинск обзавелся волшебным фонарём (полиорамой), – сообщалось в № 43 газеты «Восточное Обозрение» от 12 апреля 1895 года, – и теперь здесь кружком любителей музыки и литературы устраиваются народные чтения (музыкально-литературные вечера) с туманными картинами.

”

писчиков, пособию от кружка любителей и безвозмездному отнесению обязанностей библиотекарей теми же любителями... Ведь если бы кружок ничего не давал библиотеке, если бы библиотекари потребовали себе вознаграждение,...разве мыслимо было бы существование её при сторублевом пособии от города... Будьте же милосердны, господа, к бедным любителям, ведь и без того уже немало жертвующим (также и карманом) и, вообще говоря, вовсе не свою охоту тешащим, а служащим, по мере сил и умения, благому общему делу!».

Между тем, любители всеми средствами пытались найти новые способы привлечения жителей Нерчинска к театральному и литературному искусству. «Общими усилиями... кружка любителей музыки и литературы, общества попечения о начальном образовании и училищ, Нерчинск обзавелся волшебным фонарём (полиорамой), – сообщалось в № 43 газеты «Восточное Обозрение» от 12 апреля 1895 года, – и теперь здесь кружком любителей музы-

музей получили от кружка любителей за это время почти 2000 рублей (1990 р. 12. к.), местное общество попечения о начальном образовании – 832 р. 62 к., Софийская женская прогимназия – 753 р. 12,5 к., городская управа на лечение бедных больных – 217 р. 55 к., школы грамоты и уездное училище – 163 р. 50 к., местный тюремный комитет – 105 р. 90 к. Кроме того, кружком пожертвовано в пользу голодающих 463 рубля, в пользу переселенцев 374 р. 17 к., обществу содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам 200 р., итого 5099 р. 98, 5 к. Нужно признать, что сумма довольно почтенная для крошечного и при том будто бы «захудалого» городка и маленького кружка в нём», – приводило выдержки из отчёта кружка «Восточное Обозрение» в № 149 от 18 декабря 1896 года.

В 1899 году вместе со всей страной в Нерчинске отметили 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Вот что писала об этих событиях газета «Байкал» в № 16 от 4 июля 1899 года: «По иници-

ативе местного кружка любителей музыки и литературы ещё перед Великим постом намечена была программа празднования столетнего юбилея со дня рождения «столпа русской поэзии» А.С. Пушкина. К участию в чествовании памяти великого русского поэта кружком любителей присоединились учебные заведения города с воспособлением из городских средств 200 рублей, и общество попечения о начальном образовании в Нерчинске с воспособлением 50 руб. на выписку сочинений Пушкина для раздачи всем учащимся и двух бюстов поэта для уездного училища и женской прогимназии. Накануне юбилейного дня, именно 25 мая, для всех учащихся города кружком любителей был устроен детский вечер, на котором прочитана была биография поэта, декламировались учащимися произведения его, хором любителей исполнялись музыкальные песни на слова Пушкина и показаны были живые картины из сочинений Пушкина. К сожалению, предполагавшиеся к раздаче в этот вечер сочинения Пушкина, издания Харьковского общества грамотности, не пришли к сроку, и не могли быть тут же разданы. 27 мая был устроен общедоступный вечер для публики с чтением статей о Пушкине, его произведениях, пением хора любителей и драматическим отделением (из «Бориса Годунова»), чистый сбор с которого назначен был в пользу литературного фонда».

В 1902 году состоялось празднование юбилеев В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Среди мероприятий, растянувшихся на целых два дня – 20 и 21 февраля, особого внимания был удостоен спектакль «Женитьба». «Пьеса исполнена настолько прекрасно, что лучшего и ожидать нечего: любители, что называется, были в ударе и роли свои провели во всех отношениях прелестно. Давно и давно нерчинская публика не испытывала такого эстетического наслаждения, какое она вынесла от исполнения этой бессмертной комедии, аплодисментам не было конца. Нельзя не отметить, что на этом спектакле родились и новые силы в лице ***, игравшего Яичницу, и господина, игравшего Жевакина. Также на этом же спектакле прекрасно сыграла сваху Д.С. Шилова, зарекомендовавшая себя ранее в типичных ролях пожилых женщин... После спектакля хор любителей исполнил «Многие лета» и «Слава Богу на небе», г-н Аринкин прочел «Выбор креста» Жуковского, а *** монолог «Жанна Д'арк» его же. А О.И. Степанова исполнила на рояле «Лесной царь». Исполнение отличалось замечательной прелестью, и публика наградила пианистку шумными аплодисментами... На этот спектакль собрался почти весь город и чистая выручка достигла рублей 300, что по нашему маленькому городку даже очень хорошо. Сбор посту-

пает на учреждение стипендии при прогимназии в память Гоголя и Жуковского» [Нерчинск, 1902].

В 1907 году кружок отметил свой первый большой юбилей – 20-летие со дня образования. Специально к этому событию был подготовлен и прочитан на собрании горожан «Исторический очерк о деятельности Нерчинского кружка любителей музыки и литературы с 1 ноября 1886 г. по 1 ноября 1907 г.». Приведём некоторые выдержки из него.

«За всё время существования кружка им было поставлено 107 спектаклей, 43 литературно-музыкальных вечера, семь исключительно кружковых вечеров, два вечера с туманными картинами и 36 танцевальных вечеров. Поставлены были пьесы 27 авторов, а именно: Островского 17 пьес, Чехова три, Гоголя две, Александрова Виктора восемь, Шпажинского, Малинина, Манефельда, Невежина, Аверкиева, Немировича-Данченко и многих других, коих пьесы ставились один раз.

Собственно танцевальных вечеров кружком было дано 16, а остальные 20 были соединены, ставились маленькие пьесы или устраивался бал, а затем уже начинались танцы, эти вечера были организованы в последнее время под названием субботок, и исключительно преследовали ту цель, чтобы дать возможность повеселиться, главным образом, учащейся молодёжи, плата за вход с кой не взималась, а посторонние, не принадлежащие к членам собрания, платили по 50 к., и, таким образом, эти вечера были доступны для всех и посещались охотно.

Главное участие в постановке спектаклей принимали лица педагогического персонала местных учебных заведений и, в особенности, педагогический персонал женской прогимназии и бывшего здесь Духовного училища. За труды педагогов кружок удостоил звания почётных членов нынешеющих лиц: Д.С. Шилову, Георгия Андреевича Стукова и Тимофея Михайловича Масюкова, а за пожертвование кружку почётным членом был избран Михаил Дмитриевич Бутин, поставивший даже условием при найме своего дома для общественного собрания, чтобы кружку не было бы чинимо каких-либо препятствий в его деятельности со стороны общественного собрания. Средний сбор со спектаклей и вечеров при высшей цене за места 3 рубля и низшей 50 копеек, при вместимости зала в 300 человек, колебался от 300 до 400 рублей. Общая валовая выручка от спектаклей и вечеров за всё время существования кружка выразилась в сумме 37328 р. 72 к.» [Исторический очерк, 1907, стр. 3].

Как следует из очерка, постановка одного спектакля обходилась в среднем в 80 рублей, по-

этому на собственные нужды кружок тратил меньшую часть выручки. Наибольшие же суммы были употреблены на поддержку общественных учреждений города: библиотеку и музей, общество попечения о начальном образовании, учебные и многие другие заведения. Всего в списке тех, кому кружком была оказана благотворительная помощь, числится 32 наименования с общей суммой поддержки 19286 рублей. «Лица, принимавшие участие в постановке спектаклей, вполне искренно относились к делу, и таким отношением они заслужили симпатию местного общества, которое всё же охотно посещало все вечера и спектакли, устраиваемые кружком, и, таким образом, цели, кои кружок поставил для себя в начале своей деятельности точно и были осуществлены им» [там же].

Практически на все спектакли, данные Нерчинским кружком любителей, появлялись отзывы в прессе. Приведём один из них, напечатанный в №

24 газеты «Нерчинский Вестник» 16 октября 1907 года, и как раз приуроченный к 20-летию кружка:

«Сейте разумное, добре, честное», «Спасибо Вам скажет сердечное русский народ». Вот слова поэта, которые невольно приходят на ум, по поводу вчерашнего юбилейного спектакля местного кружка любителей музыки и литературы. Поистине можно сказать, что это был праздник всего города, который чтия столь плодотворную деятельность кружка, явился, в лице столь многочисленной публики, что зал не мог вместить всех желающих посетить юбилейный спектакль любимого кружка.

Поставленная «Дармоедка» И. Салова принадлежит к пьесам, содержание которых в данное время является уже анахронизмом и уносит зрителя к тем, в сущности ещё не особенно давним, но для нас теперь ушедшим безвозвратно, временам, с

ко, что в третьем действии, дал вполне выдержаный тон кутящего купчика.

Все остальные исполнители были приличны и на своих местах.

Хорошему впечатлению пьесы много способ-

“

«Сейте разумное, доброе, честное», «Спасибо Вам скажет сердечное русский народ». Вот слова поэта, которые невольно приходят на ум, по поводу вчерашнего юбилейного спектакля местного кружка любителей музыки и литературы. Поистине можно сказать, что это был праздник всего города, который чтия столь плодотворную деятельность кружка, явился, в лице столь многочисленной публики, что зал не мог вместить всех желающих посетить юбилейный спектакль любимого кружка.

”

теми в корне сгнившими дворянскими традициями, с той затхлой атмосферой, в которой задыхались всякие проблески человеческих чувств, где в жертву так называемой дворянской чести, а главное «долг», приносили молодые человеческие жизни.

Все исполнители были для любителей очень хороши.

Мариша – М.Ф. Толпигина прекрасно справилась с своей, местами-таки довольно трудной ролью. Нervное возбуждение не оставляло М.Ф. во всё время исполнения, что передавалось публике, которая вместе с ней переживала все её горести. Генеральша – Д.С. Шилова выдержанно-продуманно провела свою роль без утрировки, что порой бывает так трудно. К этому нужно добавить ясную читку, которая придаёт исполнению Д.С.Ш. уверенность, и публика сразу чувствует, что роль попала в надёжные руки. Франтасьев – Г.М. Китаев справился с своей ролью превосходно. Местами он проявлял сильный нервный подъём, что придавало его исполнению особую красивость и силу. Жаль только, что г. Китаев не считается с гримом. На сцене мы видели того же нашего доброго знакомого Г.М., как мы его видели ежедневно. А что ещё больше портило иллюзию, так это то, что, например, в первом действии он был в поддёвке, в которой мы привыкли его часто видеть. Не нужно забывать, что «кому много дано, от того больше и спросится», и если г. Китаев обратит на эту сторону больше внимания, то его прекрасная игра от этого выиграет ещё больше.

Разшивалов – г-н Шумихин вёл свою роль очень робко, но с второго действия разыгрался настоль-

ствовал недурный хор девушек и парней, мило пропевших несколько проголосных и плясовых русских песен, сопровождавшихся довольно красивой пляской».

25-летие кружка в 1912 году прошло более скромно. Одной из причин тому стала смерть 4 ноября Г.А. Стукова, который состоял его почётным членом и «принимал деятельное участие в жизни кружка и освещал деятельность его в печати». На общем собрании членов кружка были подведены итоги сезона 1911–1912 гг.: поставлено 8 спектаклей и один маскарад, выручка составила почти 2577 рублей, из которой лишь 204 р. 42 к. было потрачено на усиление средств кружка, остальное же традиционно ушло на благотворительные цели [Бекленко, 1912, стр. 3].

Затем председательница кружка Д.С. Шилова доложила собранию, что «до сего времени кружокставил спектакли почти исключительно с благотворительной целью, почему не имел в своём распоряжении средств на улучшение и обновление сцены. Обновить сцену необходимо, и эта необходимость даже была отмечена в печати» [там же]. Собравшиеся решили часть средств от сборов в следующем сезоне потратить и на эти цели.

Но самым, наверное, неожиданным и приятным стало для председательницы кружка выступление режиссера В.Н. Шварца, который предложил «отчислить 5% с валового сбора спектаклей на образование стипендии имени Домники Савватеевны Шиловой при Нерчинской Софийской женской гимназии (начальницей которой она, кстати, являлась – А.Л.), в память 25-летнего юбилея су-

ществования кружка» [там же]. Это предложение было поддержано и принято единогласно.

Из этой же небольшой публикации мы узнаём имена тогдашних членов кружка любителей музыки и литературы. В правление кружка были избраны: председательница Д.С. Шилова; члены: С.М. Несытов, В.Н. Шварц, Г.М. Китаев, В.Я. Сизых и И.А. Осипов; кандидаты: В.В. Рыжиков, И.Г. Рудницкий и Е.И. Шкляев; члены ревизионной комиссии: М.Ф. Толпигин, М.П. Сизых и А.Н. Орлов и кандидаты М.И. Барин и А.И. Шумихин.

Дальнейшая судьба кружка пока остаётся неизвестной. Но, без сомнения, можно сказать, что его многолетняя плодотворная деятельность значительно повлияла на формирование культурной среды в Нерчинске не только во время его существования, но и заложила основы будущего Нерчинского народного театра, который по праву считает себя продолжателем старых традиций своих предшественников.

Следует упомянуть, что однажды в Нерчинске чуть было не появился и второй кружок любителей, что нашло отражение в № 46 газеты «Байкал» за 20 декабря 1898 года: «По примеру двух минувших последних лет у нас и нынче опять рождается новый кружок любителей сценическо-

го искусства. Это с очевидностью убеждает нас, что в нашем маленьком городке за последние годы прибавилось и объявились столько сценических талантов, столько алчущих и жаждущих проявить их на подмостках нашей сцены, что число их никак не может уместиться в одном только, уже давно оформлено существующем в Нерчинске, кружке любителей музыки и литературы. Вот поди-ж ты! В ином городе и одного-то кружка нет, а у нас два, хотя однако ж и при этих блестящих (якобы) условиях всё-таки спектаклей или других общественных развлечений в течение года бывает куда как не много». Чем закончилась эта затея, неизвестно.

К концу первого десятилетия XX века бурная театральная и литературная жизнь в городе стала угасать. «Нужно отвлекать молодёжь от кабака, нужно давать пищу для души, говорят лучшие люди города, и время от времени устраивают народные чтения, где читают рассказы Гоголя, Чехова, Горбунова, чтения, которые очень охотно посещают гимназистки с реалистами, народ же на них не идёт», – писала газета «Восточная Заря» 28 марта 1910 года. Следующий «всплеск» театральных постановок в Нерчинске произошел лишь через несколько десятков лет.

Сретенск. Квартет кружка любителей
музыки и литературы. В центре —
Мария Капитоновна Белявская,
старшая сестра А.К. Белявского

Александр Капитонович БЕЛЯВСКИЙ

ИЗ «ЗАПИСОК ВОЕННОГО ВРАЧА»

Первые впечатления от Сретенска (1899 год)

Стретенск живописно расположен в котловине, замкнутой со всех сторон высокими горными цепями, вытянулся в длину по правому берегу километров на пять широкой полосой в 3-4 улицы. Окрестности напоминают Кавказ в миниатюре. Дома тогда были исключительно деревянные, как всегда в сибирских городах, только позже стали строить каменные дома. Стретенск считался казачьей станицей, но по величине и бойкости торговли на судоходной реке не уступал многим сибирским городам. По торговым оборотам и промышленности Стретенск соперничал с Читой, главным образом благодаря пароходству по Шилке-Амуру. Во время последующих войн, Китайской и Японской, значение Стретенска возросло ещё больше, и он значительно разросся.

Стретенск кriminalный (конец XIX – начало XX веков)

По количеству убийств Забайкалье занимало первое место в России, а в Забайкалье – Стретенск. Волокита в старых судах была неимоверной. Бумаги одного, так называемого «карийского дела», занимали целую комнату. Судебный следователь Петров выбрал из дела только телеграммы, сложил их стопкой и снялся на фоне этого сооружения, которое было выше его роста. Председателем суда был Михайлов, прокурором граф Подгоречани,

остроумный и интересный рассказчик. Чита в то время представляла собой большую деревню, ночью около клуба дежурил один извозчик, ходить в тёмное время по улицам было опасно, все ходили с оружием. Первое время и я ходил с револьвером. Оказалось, что опасность сильно преувеличивали, за многие годы мне ни разу не пришлось применить оружие, хотя по роду врачебной деятельности приходилось бывать в отдаленных местах, иногда сразу после убийства, при продолжающейся перестрелке.

Стретенск, как бойкий торговый пункт, привлекал многих рыцарей легкой наживы, часты были крупные грабежи с убийствами. Из-за золота убили купца Гершевича с женой и дочерью. Из корыстных побуждений убиты Бечаснов с Опенховской, которые, продав принадлежавшую Бечаснову гостиницу, жили в маленьком домике на 4-ой улице

▲
1902 год. Сретенск. Юлия Петровна Белявская у дома Шемшединова по улице Средней (совр. Луначарского)

в очень глухом месте. В 5-ти верстах от Сретенска убили купца Баанова. Постоянная слежка была установлена за бывшими прислужниками и скупщиками золота. Мы еще застали полный разгул, которому предавались возвращавшиеся с прислужника домой «старатели». В Сретенске гремели гран-

▲ Александр Капитонович и Юлия Петровна Белявские в Сретенске

диозные кутежи, совершались многочисленные преступления. Рабочие, которым «пофартило», после продолжительной тяжелой работы, полной лишений, не выдерживали характера и накопленные деньги и золото прокучивали в Сретенске. Обычно на все время брали извозчика, чтобы с девками переезжать из кабака в кабак, из одного притона в другой, и мы, скромные обыватели, не могли найти ни одного свободного извозчика. Приискатели, с толпой прихлебателей, являлись в магазины, накупали часов с массивными серебряными цепями, массивные золотые перстни, шелковые рубахи, плисовые штаны, лакированные сапоги и обязательно глубокие калоши (хотя осень у нас совершенно сухая), несколько цветных шелковых платков, хорошие поддевки, бобровые шапки и пр.

Во время кутежей и карточных игр счастливчиков немилосердно обирали так, что часто через несколько дней они валялись где-нибудь под забором. В домах терпимости с такими «счастливчика-

ми» хороводились и всячески их ублажали до тех пор, пока у них что-нибудь было, потом выбрасывали, обобравши дотла. Особенной специалисткой в этом отношении была содржательница Сара Миркина (в насмешку называемая Бернар), мужеподобная женщина, сколотившая изрядные деньги на доме терпимости, позже открывшая гостиницу «Север», притон, пользующийся дурной славой.

Интересной была охота за «крепкими» старителями, которые, скопив деньги на прииске, крепились, избегали пьяных компаний и рассчитывали отвезти весь заработка домой неприкосновенным. Держались такие обособленной компанией, втрём, вчетвером занимая комнатку на постоялом дворе, выходя только вместе. Многие выдерживали характер, но за ними устанавливалаас правильная слежка, чтобы использовать малейший промах, некоторые «срывались». При спаивании таких иногда прибегали к яду, помню два случая смерти, якобы от «копоя», в которых удалось доказать простое отрав-

▲ А.К. Белявский с ламой

ление. Один раз не успели скрыть бутылку с ядом в водке и с ярлыком «Дом петербургского заключения». В Стретенск устремлялся преступный элемент главным образом из Кары и Верхнеудинска, этих штаб-квартир крупных грабежей и убийств. Оттуда приезжали организаторы больших подкопов под банк, под крупные магазины, оттуда же вдохновлялись грабежи с убийствами. Скоро я мог отличить по характеру раны убийц. Кавказцы били кинжалом сзади, у левой лопатки, китайцы (в ссоре и раздражении) кололи спереди под ключицу, каторжники большей частью наносили удар топором по голове. Последние были особенно жестоки с жертвами, нанося 5-6 смертельных ударов, прибегая к пыткам, массовым убийствам всей семьи с работниками и случайными посетителями. Однажды в маленькой

хибарке в Кокуе было убито 7 человек, включая малолетних детей и грудного ребенка в колыбели. Часто люди пропадали, их находили через несколько месяцев, весной и называли «подснежниками», так как находили после таяния снега. Часто трупы спускали в проруби.

О Нерчинске (1898 год)

Нерчинск уже замирал, терял свое значение, которое быстро приобретала Чита. Это происходило вследствие того, что пошатнулись дела Бутина с одной стороны и, благодаря советам Муравьеву (генерал-губернатор Восточной Сибири – прим. ред) декабриста Завалишина перенести столицу Забайкалья в Читу. Кроме того, железная дорога безобразно обошла Нерчинск (в 5-ти верстах), что нанесло последний удар по процветанию Нерчинска. Жизнь в Нерчинске была до того глуха, что негде было постричься и побритьсь. Некоторые для этого приезжали в Стретенск. Единственный в Нерчинске парикмахер, кавказец, содержал парикмахерскую в антисанитарном состоянии и использовал весьма своеобразный метод работы. Он плевал на бритву, водил ею по кожаному ремню и потом начинал брить ваши щёки. Позже в Нерчинске открыли реальное училище, сельскохозяйственную школу, там появился музей, открытый неутомимым краеведом А.К.Кузнецовым.

Культурная жизнь в Стретенске (1901–1902 годы)

Интеллигентии в Стретенске было много. Разумных развлечений почти никаких не было. Не было помещения для спектакля или вечера. Приходилось для таких случаев использовать церковноприходскую школу (ныне – Дом крестьянина), рядом с домом Гавриловича. Первые спектакли малороссийской труппы проходили в сарае Штейна, цены были высокие, места на скамье в первом ряду стоили 5 рублей. Группа произвела громадный эффект своим хором и оркестром. Все спектакли прошли с аншлагом. Несмотря на сарайную обстановку, публика получила огромное удовольствие. В 1900 году Штейн построил гостиницу со зрительным залом и сце-

ной, на месте озера, на котором при мне били диких уток, устроил сад.

Переулок, ныне улица Свободы, загатил (вымостили камнями, так как часть его проходила по болотистой местности – прим.ред). Это было первое культурное дело в Стретенске. В 1901 году я основал любительский кружок, пригласил сочувствующих из интеллигенции, на первом собрании постановили учредить «Общество музыки и литературы», по образцу Нерчинского. Позже утвердили устав и приступили к организации. Я взялся за хор, Синявский К.И. за постановку спектаклей, Гершгорин за оркестр. Первые репетиции проходили в церковноприходской школе или у меня на квартире. Все общество Стретенска горячо откликнулось на наш призыв, поддержало материально. В первый же год я имел возможность привезти из Иркутска новый рояль Шредера за 750 рублей. Молодёжь, не имевшая до этого возможностей разумного отдыха, пошла в хор, в оркестр, в драматический кружок. Нашлись хорошие драматические силы. Кружок быстро рос количественно и развивался качественно и материально. Вскоре появилась возможность ставить большие спектакли, излюбленным драматургом был бытовой Островский. Некоторые серьёзные вещи и сложные постановки требовали большой подготовки и проработки, мы не гнались за количеством и сразу взяли курс на выбор художественных и классических пьес с добросовестной подготовкой. Например, для пьесы «На дне» понадобилось 18 репетиций, постановку «Лесных тайн» Чирикова вынашивали полтора года, делали специальные костюмы, выписали художника-декоратора Валуева из Читы. За декорации было уплачено 450 рублей. Постановка сибирской пьесы Михеева «Тайга» была тщательной до мельчайших деталей. Жизнь приисковых рабочих и обстановка прииска вызвали всеобщее восхищение даже людей требовательных и много видевших. Часто, с прекрасными сборами, ставили благотворительные спектакли. Ежегодно давали спектакль – вечер в пользу студентов, сборы ежегодно посыпались в Томск, Казань, Петербург, частной гимназии Миклашевского, на открытие Нерчинского реального училища, в пользу благотворительного общества помочи бедным, на многие другие культурные нужды. Успех нашего кружка тотчас вызвал подражание. В том же году открылось общество приказчиков, их клуб и библиотека. Библиотека составилась внушительная и приличная, большую помочь нам оказали Н.В. Мирошников, Н.Д. Немкин, К.К. Ренигер. Через год открылся кружок спорта, просуществовавший недолго. Открылись общественное собрание и вольное пожарное общество, которое одухотворялось и процветало, благодаря энергии и любви к делу Н.М. Штейна.

Мы с женой отдавали общественной деятельности весь досуг: я играл на сцене, режиссировал, был председателем кружка, управлял хором, пел соло, в дуэте и в трио, принимал участие в работе пожарного общества, общественного собрания и благотворительного общества. Имелась возможность получать большое количество периодических изданий. Я выписывал 10 изданий и отдельные книги, чтобы составить свою и общественную библиотеки. Много времени отдавал фотографии и цветоводству.

Вскоре мы переехали на новую квартиру у того же хозяина Шемшединова, который в той же усадьбе построил двухэтажный деревянный дом (против почтовой конторы). Я занял верхний этаж. Квартира была обширная, зал большой. Почти ежедневно у нас собирались «Музыканты», трио, квартеты. Сестра Маня играла на рояле, Тыжнов и Прибылёв на скрипке, Гайдуков на виолончели и Немкин на флейте. У нас репетировали заезжие певцы и скрипачи, так как аккомпаниатором неизменно была Маня (сестра А.К. Белявского, Мария – примечание М.Р. Шелеховой), которая даже аккомпанировала всей опере (за оркестр). Один раз опера была без меня (я был в командировке), когда я приехал, артисты уже были на пароходе в ожидании утреннего отхода. Узнав о моём приезде, были так любезны, что сошли с парохода, несмотря на проливной дождь, и многое пропели для моего услаждения. Особенно любезна была артистка Стефанович, в будущем артистка московского императорского театра.

Часы досуга (1901 год)

Я впервые познал, что не умею отдыхать и не могу быть без работы. Потом все яснее становилось, что секрет жизни: не иметь свободного от работы времени, только одна работа должна сменять другую и не замыкаться на каком-нибудь одном деле. Нужно удовлетворять все запросы натуры. В Стретенске я совсем не имел свободного времени, весь досуг употреблял на чтение, работу в кружке, фотографию, цветоводство, пополнение знаний во всех интересующих меня областях. В Шилке (за глаза) сторговал у хозяина квартиры коня Красавчика, местной породы, служившего мне много лет (см. фото).

В праздничные дни часто ездили на пикники в прекрасные местные окрестности на Куренгу и Матакан (речки, впадающие в Шилку – прим.ред). В пикниках принимали участие близкие знакомые и симпатичные нам люди: Кушелевские, Прибылёвы, Ренигер, Болотовы, Скурлатовы; врачи Крынин

▲
На даче Белявских (первая слева Евгения — дочь А.К.Белявского)

Работа кружка (1902 год)

и изредка Штейн. Пикники проходили очень мило и приятно. Осталось много снимков, как память о красивой природе и приятно проведенных днях отдыха. Часто катались на пароходах вверх по Шилке, подгоняя время пикников под расписание отправления пароходов в Кокуй.

По приезде в Стретенск опять принялся за кружковую работу, вскоре кружок прочно встал на ноги. Из артистов особенно выделялся Синявский К.И., выдающийся исполнитель главных ролей (Любим Торцов, Несчастливцев, Белугин). Из почтовых чиновников нужно отметить Пушкарёва, Елизарова, Рацевича-Станевича, Евдокимова,

Донкова, Крынина, Аркадьева (Лохвицкого), Р.И. Барбаса, жену Пушкарёва. Хор увеличился и мы стали ставить оперные хоры. Из певцов выделялся молодой офицер Сипайло, из музыкантов Трахтенберг, Цвирко-Годыцкий, Рубинштейн, Ларионов.

В Кударе (1903–1904 годы)

▲
Отдых на Куренге

Жизнь в Кударе заставила заняться и глубоко заинтересоваться мало изученным окружающим миром. Год, проведённый на монгольской границе, послужил толчком для занятий краеведением. Я стал записывать виденное, делал выписки из книг, находил книги, необходимые для изучения края. Несколько порядочных книг о Забайкалье, Монголии, Китае я нашёл в библиотеке кударинской

школы. Например, библиографические редкости: «Путешествие в Китай» доктора Пясецкого, «Принципы жизни Китая» Георгиевского, «Рабочие на приисках Восточной Сибири» Мишле и др. К моему удивлению весь краеведческий отдел библиотеки был составлен приставом Юринским. Несмотря на оторванность от культурной жизни, я с удовольствием вспоминаю год, проведённый на монгольской границе.

В моё отсутствие деятельность кружка любителей поддерживали Штейн и директора банков

Трахтенберг, Громов. Подготовили большой концерт, на котором на двух роялях, в 8 рук, играли Трахтенберг, Цвирко-Годыцкий, Ларионов и Рубинштейн. Я вновь занялся спектаклями и концертами, состав любителей увеличивался и улучшался, постановки были большие, хорошо подготовленные.

▲ 1911 год. Сретенск. Юбилейная фотография кружка любителей музыки и литературы

Сретенск после китайской и японской войн (1901–1905 годы)

Во время русско-японской войны в Сретенске расположились два военных (сводных запасных) госпиталя и два лазарета Красного Креста. Наш 1-й госпиталь занимал новые, приспособленные для казарм, только что построенные инженером Суднициным, здания на юге Сретенска. Второй госпиталь занимал на севере специальное здание лазарета и старые казармы батальона. Каждый госпиталь был рассчитан на 420 мест.

За время китайской и японской войн Сретенск стал разрастаться всё больше и больше, по-

явились каменные дома, двухэтажные. Торговый и промышленный оборот увеличивался, появились новые банки: Русско-Китайский (переименованный в Русско-Азиатский), Сибирский и Взаимного кредита. Многие частные владельцы покупали пароходы: Андоверов, Мошкович, Вейнерман, Лукин, Шустов, Штейн. Пароходство по Амуру прогрессировало, берег производил приятное впечатление большим количеством пароходов и барж, освещённых по вечерам. С другого берега Шилки вид на Сретенск ночью был очень красив. Военные канонерки проводили занятия, иногда ослепительно освещая окрестности прожекторами.

Штейн построил летний театр в саду. Сначала Штейн построил понтонный мост, который, по неизвестной причине, не разрешили использовать. Тогда он перенёс все постройки в сад и сам, по своему плану, построил летний театр. Часто приезжали гастролёры, как концертанты, так и труппы. Лучшими были малороссийские труппы Мирослав-

ского и др., приезжали даже оперные певцы, выступавшие под аккомпанемент рояля. Несколько раз приезжали постоянные летние и зимние труппы, например, Карпевой.

Юбилей кружка (1911 год)

В 1911 году мы торжественно спра-вили 10-летний юбилей любительского кружка, который действительно являлся одним из первых и важных начинаний. В тот сезон у нас была платным режис-сером А. К. Корнеева (артистка), остав-шаяся после труппы. Решили поставить пьесу Горького «На дне» по всем дета-лям постановки Московского художе-ственного театра. У нас имелись много-численные фотоснимки всех моментов пьесы; обстановка, декорации, костюмы, грим были по этим снимкам. Репетиций сделали 18. Роли распределили хорошо, сильным исполнителям. За месяц были разосланы приглашения всем бывшим членам кружка с просьбой прислать фотографические карточки, и был сде-лан общий снимок всех членов исполните-лей. Спектакль удался на редкость и даже сверх ожидания очень торжествен-но: после первого акта начали подносить ценные серебряные подарки мне, про-читывались приветствия, телеграммы, из Томска был прислан от землячества студент с адресом и диплом на почёт-ного члена Забайкальского землячества томских учебных заведений. Я даже чув-ствовал себя смущённым такой помпой и вниманием, пришлось всё выслушивать в костюме и гриме Сатина. Все привет-ствия в один голос отмечали этот юбилей, как день культурного праздника в Сре-тенске, я был вознаграждён сверх меры всеобщим одобрением.

В мае 1914 года был назначен в кор-пусную поездку на станцию Карымскую, где я должен был изображать дивизион-ного врача. Поездка была очень интерес-ной и содержательной, все действия (как и планы мобилизации) были устремлены на восток, а не на запад. Как оказалось, через 3 месяца, такое решение было ошибочным. Руководил поездкой командир корпуса

Алиев, хороший генерал, образованный человек и обаятельный начальник.

В том же месяце в Сретенске основалась газе-та «Восточный Забайкалец», в которой ответствен-ным редактором был Цимбал-Миклашевский, а я соредактором. Издавалась газета на 25-рублевые паи (моих было сначала 6, да затем еще 6), ку-печество шло туда на помочь газете, и крупные купцы участвовали денежно гораздо меньше нас, рядовых подписчиков. Я отдавал много времени

▲ 1911 год. Сретенск. К юбилею кружка любителей музыки и литературы

г. Витебск. 6 октября 1914 года.

Дорогая Юля! До сих пор сидим и ждем назначения, как «манной каши». Все изнервничались от безделя и неопределенности положения, всем хочется приняться за дело. Эта открытка снята одним из врачей, когда ехали по Самаро-Златоустовской дороге на платформе, чтобы любоваться видами.

Скучаю, не нахожу себе места от тоски и безделя. Целую тебя, дорогую мою, дочуру (Евгения — примечание М.Р. Шелеховой), маму, Маню (сестра А.К. Белявского, Мария — примечание М.Р. Шелеховой) с детскими. Привет всем знакомым. Твой Александр.

Стретенск Забайкальская область.
Юлии Петровне Белявской.

Из действующей армии.

газете, писал статьи, вырезал из газет сообщения, корректировал, редактировал корреспонденции, правил стихи наших доморошенных поэтов. Газета захватывала меня, я с удовольствием посвящал ей много времени, даже опаздывал на дачу к обеду. Без меня в августе наша газета начала хиреть и превратилась в телеграфный листок. На фронте я с удовольствием получал нашу газетку.

На Северном фронте в 1-й Мировой войне (1914—1917 годы)

В июле неожиданно разразилась мобилизация, меня назначили главным врачом полевого госпиталя, который формировался в Иркутске. В день объявления мобилизации я составил сдаточные ведомости и ночью передал всё имущество своему заместителю, доктору Преде, через день я выехал в Иркутск. В Иркутске получил другое назначение,

▲
К месту службы во время 1-й мировой войны

главным врачом 40-го запасного госпиталя. Формирование госпиталя проходило прекрасно, все запасы были высокого качества и в достаточном количестве. Команда госпиталя состояла из запасных Средней Сибири, очень хороших людей.

Наконец, пришло приказание нашему поезду двигаться в Ригу, чему мы обрадовались, как хорошей стоянке. В Риге начальник эвакуационного пункта, генерал Орехов, благодушный ворчун, предложил главным врачам самими выбирать себе здания. Некоторые шустрые главные врачи вертели генералом, как хотели, пользуясь его добротой и расположением к врачам. Он охотно делал всё возможное для пользы госпиталя. Лучшие здания ловкие молодцы уже разобрали, и мне пришлось выбирать из двух пятиэтажных зданий или 5-го этажа фабрики Буффало. От последнего помещения все отказались, и я решил его взять.

Помещение на фабрике Буффало представляло собой верхний этаж только что построенного громадного здания из камня, железа, цемента и стекла. Стеклянными были стены и потолок, здание в плане имело вид глаголя, в одной палате помещалось 240 человек, в другой 280. На этаже размещались две операционные, перевязочная, ванная и канцелярия. Кухня находилась в другом здании. Имелось электрическое освещение (любой силы), два лифта, два водопровода, две больших уборных с электрическим освещением, вентиляторами и механическим автоматическим промыванием каждые 10 минут. Запах совершенно отсутствовал, и атмосфера в уборной была такая, что в этом помещении можно было обедать.

1914 год. Рига. Рядом с А.К. Беляевским его дочь — Евгения

▲ А.К. Беляевский — главный врач Рижского военного госпиталя

▲ 1914 год. Рига. Коллектив военного госпиталя

Начальство, посмотрев на результат нашей работы, так и ахнуло, назвав дурнями врачей, отказавшихся от такого помещения. При всех «высоких» посещениях гости, высшее начальство обязательно бывали в нашем госпитале. Все сёстры подобрались прекрасные, из елизаветинской общины: княжна Зоя Оболенская, Лиза Лаврова (после войны вышла замуж за Гдалия Барбаса), Вера Мальковская, Шишко, Лушникова (старшая сестра), Альма Мельберт, Дакова, Курик, Мельдер (жена Старшего ординатора) и др. Работа большинства из них была выше всякой похвалы. Преимущественно это были только что соскочившие со школьной скамьи гимназистки из хороших семей, они проявляли такую работоспособность, неутомимость, ласковость обращения с ранеными, что все диву давались, откуда такие силы и глубокие чувства у вчерашних девочек. Уход за больными и обращение, чисто сестринская забота были идеальными.

Наверно тысячи солдат до сих пор вспоминают сестричек 1-го «взводного», так многие называли наш сводный госпиталь. Вещественным доказательством чувств солдат являлись целые чемоданы благодарственных писем сёстрам от них из дома и с фронта. Некоторые письма трогали до слёз. Сёстры не избегали самой чёрной работы, возни с гнойными язвами. Помню, как нам доставили с фронта около двухсот человек тяжелораненых. Сначала нужно было сменить бельё, кишевшее вшами (от вшей трещал пол под ногами), затем мягко, сердительно обмыть в ванных, переодеть и перевязать в перевязочных. Перевязку раненых и туалет проводили в течение 11-ти часов. В перевязочной действовали 8 перевязочных столов одновременно и столько же сестринских и фельдшерских. Тогда же делали неотложные операции. Сёстры постоянно оставались у постелей больных. Высокие чувства русских женщин поднимали слабые женские силы до степени героизма! Сёстры лаской и уходом, чистотой, хорошей пищей скрашивали муки ран и болезней. Они доставали большое количество подарков, газет, книг, журналов.

Многие всё свое жалование тратили на это. Раненым читали и писали письма, наводили для них справки, развлекали граммофоном, концертами, спектаклями. В Риге нас посетил знаменитый Фигнер с артистками и артистами, давший большой концерт. Приезжали хоры, оркестры различных учреждений и учебных заведений. В Юрьеве дали несколько концертов силами персонала госпиталя, больных и испытуемых, при отзывчивом отношении и местных любителей. Управляющий завода «Проводник» за свой счёт устроил роскошную ёлку с богатыми украшениями и подарками, подарил граммофон с массой пластинок. На Рождественских Святках прислал целые возы ветчины, колбас и прочих деликатесов. Коллектив «Проводника» постоянно снабжал госпиталь периодической литературой на нескольких языках. Госпиталь посещал фотограф, который за небольшую цену делал персональные и групповые снимки и, наверно, сам составил прекрасный альбом. У меня на память остался госпитальный альбом за период пребывания в Риге, озаглавленный моим воспитанником Витей «Госпиталь А.Беляевского».

В госпитале царили товарищеские, доброжелательные отношения, несмотря на порядок и дисциплину, не было излишней требовательности и мелочности. Все работали не за страх, а за совесть, почти не приходилось накладывать взысканий. Добросовестная работа высших чинов являлась примером для низших. Быстро сложилась дружная большая семья с благожелательными взаимоотношениями, связанная общностью интересов и работы.

Следует отметить благотворное влияние созданных в нашем госпитале условий на успешное заживление ран. Раненых быстро доставляли с фронта в госпиталь, иногда через несколько часов после ранения. Большинство ран излечивалось первичным натяжением (без нагноения) и очень быстро. Быстрое заживление, даже гнойных ран, сначала приписывали запрещению употребления на фронте спиртных напитков, конечно, этот фактор играл некоторую положительную роль, но не был решающим. Позже, когда стали применять открытое лечение ран (тонкие повязки, дающие возможность солнечным лучам воздействовать на раны), процесс заживления ускорился чудесным образом. Стеклянные стены и потолок в палатах давали возможность длительного воздействия солнечных лучей.

Вскоре после основания нашего госпиталя ко мне приехала жена с дочуркой, и мы заняли две комнаты в пансионе. Дочь была в восторге от города, быстро вошла во вкус госпитальной жизни,

надела сестринский костюм, составила библиотечку для больных, читала и писала больным письма. Солдаты полюбили «маленьку сестричку», как они называли Женю. Наша семья устраивала в госпитале вечера пения и танцев, иногда Юлия Петровна (**супруга А.К. Беляевского – прим. М.Р. Шелховой**), к восторгу больных и команды, пускалась в русскую.

В апреле германские войска подошли ближе к Риге и вызвали в городе у русских беспокойство, у немцев и некоторых латышей тайную надежду и радость. Паника среди населения поднялась изрядная, билеты на поезда брали с боем. Я с трудом смог отправить своих, хотя для семей военных билеты давали без очереди. Багаж сумели погрузить только ко второму звонку.

После отъезда семьи наступление германцев приостановилось, благодаря переброске сибирских стрелков на Рижский фронт. В конце июня немцы вновь приблизились к Риге, стали прилетать аэропланы. Нас решили эвакуировать. Эвакуация носила спешный характер, но проходила в полном порядке. Все госпиталя были отправлены в один день.

Я решил ехать в Юрьев и не раскался в этом. Наш госпиталь всё время работал хорошо, эвакуированные в Петербург сидели без дела, не разворачиваясь, более полугода. Получив назначение, двинулись в Юрьев, где пробыли с августа 1915 до октября 1917 года. Основной в госпитале была работа по обследованию комиссионных больных, наш госпиталь назначили для освидетельствования всех призываемых солдат и офицеров, и госпиталь нёс функцию постоянного военного госпиталя всего Северного фронта. Выполнение этой функции требовало от всех врачей самоотверженного, тяжёлого труда.

Госпиталь работал, как заведённая машина: все работали по мере своих сил, добросовестно, высшие чины относились снисходительно к низшим, не проявляя излишней требовательности и начальственности. Свободное время каждый проводил, как хотел, но всё же было стремление и вечерние часы проводить вместе, в госпитальной семье. Устраивали ёлку, обедали все вместе в персональной столовой. Сначала я жил в Юрьеве на частной квартире, позже занял две маленькие комнатки в госпитале, проходную комнату переделали в столовую, в которой столовались врачи с семьями, чиновники, знакомые (доктор Нейдинг, врач Архангельский, батюшка из соседнего госпиталя). Всё хозяйство столовой вела Юлия Петровна, обеды готовились вкусные, питательные, свежие и обходились очень не дорого. Приятно вспоминать о дружной госпитальной семье.

▲
1915 год. Рига. Елка в военном госпитале

Женя (дочь А.К. Белявского – прим. М.Р. Шелеховой.) «сестрила», ухаживала за больными, учились по программе гимназического курса (на дому) и музыке. Жена с дочерью прожили в госпитале более двух лет.

ПРИМЕЧАНИЕ: Рукописные записки Александра Капитоновича Белявского освещают события периода 1871-1917 годов. «Записки военного врача» находятся в личном архиве Майи Романовны Шелеховой, внучки Марии Капитоновны Белявской (сестры А.К.Белявского). В 2013 году

М.Р. Шелехова оцифровала записки А.К.Белявского и все фотографии из семейного архива. В настоящем издании воспроизводятся отдельные фрагменты «Записок», касающиеся периодов жизни А.К. Белявского в Сретенске, Кударе и на Северном фронте в период 1-й Мировой войны. Они, как и фотографии, публикуются впервые. Редакция журнала выражает глубокую признательность М.Р. Шелеховой, которая любезно предоставила настоящие материалы. Так же мы выражаем слова благодарности Ирине Вадимовне Белявской, внучке Алексея Капитоновича Белявского (брата А.К. Белявского) за установление контактов с редакцией «Хронографа». Мы надеемся на дальнейшее совместное сотрудничество в деле освещения биографии А.К. Белявского, военного врача, ученого, выдающегося общественного деятеля, патриота России и Забайкалья.

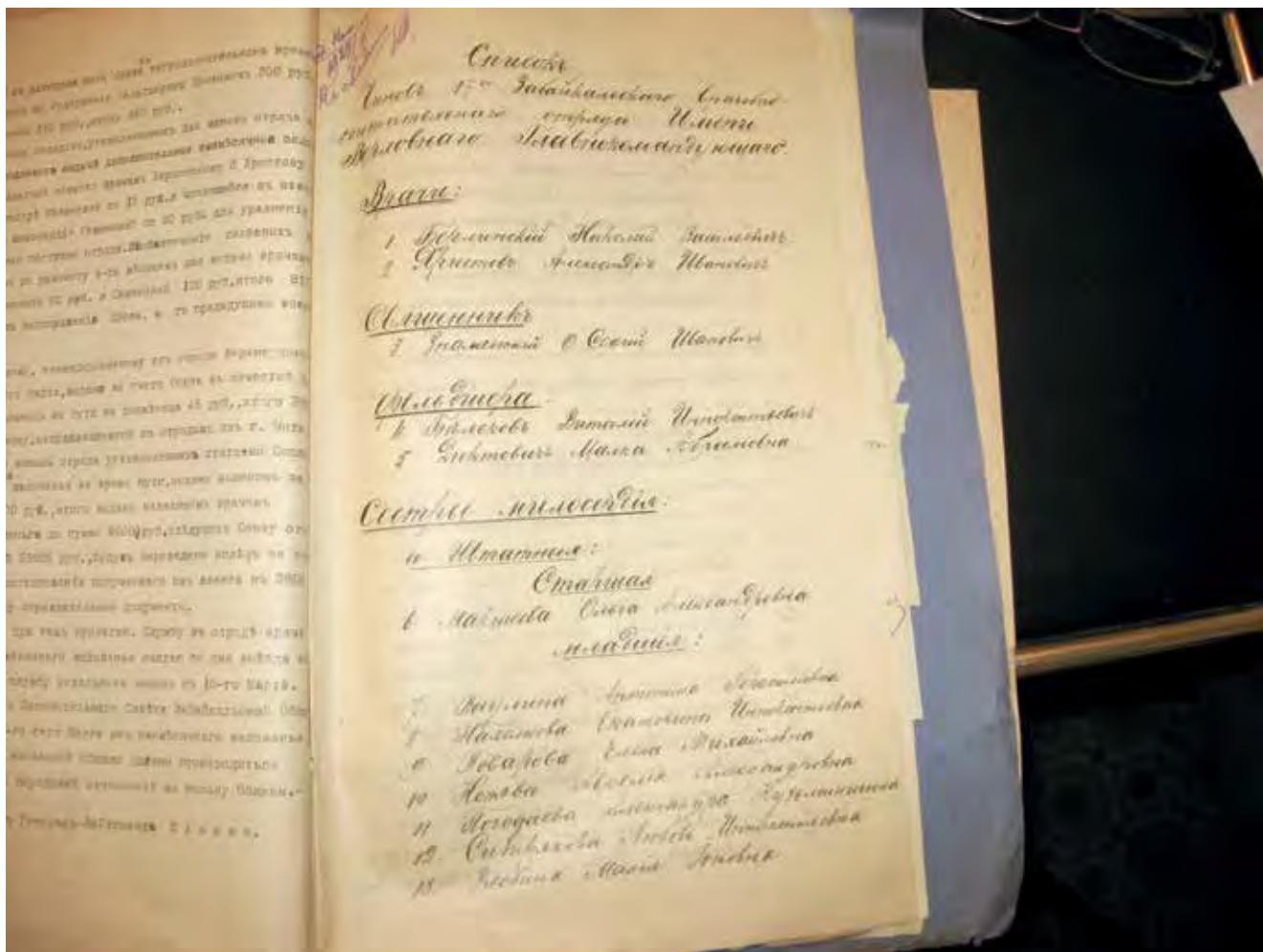
Публикация подготовлена
Олегом Черенщиковым (Сретенск)

Галина ПОГОДАЕВА (Чита)

«ТЯЖЕЛОЕ, БЕСПОКОЙНОЕ И ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО»

Медики Забайкалья на фронтах
Первой мировой войны

Список состава госпиталя, сформированного в Чите для Кавказского фронта

В годы Первой мировой войны большую роль в оказании медицинской помощи и сохранении человеческих жизней сыграло Российское общество Красного Креста. Общество формировало и отправляло на фронт свои лечебные учреждения (госпитали, лазареты, санитарные поезда...), готовило медицинских сестер милосердия, сиделок и санитаров Красного Креста. В качестве консультантов Красного Креста на фронте работали известные профессора-хирурги, под их руководством были организованы летучие хирургические отряды. Создавались подвижные питательно-перевязочные отряды, рентгеновские отряды, психиатрические приемные и сборные пункты. Красный Крест оказывал большую помощь военному ведомству в борьбе с инфекционными заболеваниями и т.д.

Забайкальское местное управление Российского общества Красного Креста было образовано

в 1894 г. По инициативе общества в апреле 1901 г. в Чите открылась Забайкальская имени Великой княжны Марии Николаевны Община сестер милосердия Красного Креста с амбулаторией и лечебницей, приюты для сирот и калек. Создание общины положило начало обучению сестер милосердия в нашем крае. Теоретические и практические занятия с ученицами проводили известные читинские врачи К.Д. Кольчевский, А.Л. Цейтлин, А.Д. Давыдов, А.Г. Легер, А.И. Христов, П.И. Макарова-Соболева и др. Доходы общества слагались из постоянных членских взносов, единовременных пожертвований деньгами и вещами, а также из специальных пожертвований для особых назначений.

Война круто изменила жизнь страны, весь жизненный уклад нашего края, несмотря на то, что боевые действия проходили за тысячи километров от Забайкалья. Только казаков на фронт было отправлено почти 14 тысяч (9 конных полков и 5 батарей ЗКВ). Вместе с войсками на фронт уходили врачи, фельдшера, сестры милосердия, санитары.

Вся деятельность по организации помощи

▲
Кияшко А.И.

“

«Средства потекли ко мне со всех сторон, и ручьи были от богачей, а реки от бедноты, — писал А.И. Кияшко. — Всего прошло через мои руки более 167 тысяч рублей».

”

фронту проводилась под руководством и при активном участии военного губернатора области, наказного атамана ЗКВ генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Кияшко. Он сумел в короткое время провести мобилизацию в области, организовать подготовку медицинского персонала и лазаретов, обуздать спекуляцию. За весь период своего правления губернатор активно поддерживал учреждения здравоохранения, народного образования, культуры. При его содействии была расширена сеть медицинских и ветеринарных пунктов.

С первых месяцев войны патриотический подъем населения был необычайно высок. Военный губернатор области обратился к населению с просьбой помочь «в деле призрения необеспеченных семей запасных» военнослужащих. Разнообразны

были формы благотворительности: продажа лотерейных билетов, организация благотворительных вечеров, спектаклей. «Средства потекли ко мне со всех сторон, и ручьи были от богачей, а реки от бедноты, — писал А.И. Кияшко. — Всего прошло через мои руки более 167 тысяч рублей». На эти деньги оказывалась помощь конкретным людям и обществам, занимавшимся «призрением жертв войны», сибирские войска снабжались необходимыми теплыми вещами и бельем. На эти же деньги был организован «Забайкальский подвижной № 4, имени Его Императорского Величества, лазарет Красного Креста». Всего на фронт было отправлено два лазарета, полностью сформированных в Забайкальской области — один на Кавказский, а другой — на Западный фронт.

Благотворители, внесшие более 300 рублей, пожелали присвоить свои имена койкам лазарета, отправленного на Закавказский театр военных действий. Например, в приказе № 1471 от 26 февраля 1915 г. с дополнительным поименным списком значилось: «койка № 34 — города Троицкосавска, койка № 35 — станиц 1-го военного отдела ЗКВ, койка № 37 — Дмитрия Васильевича Полутова, ... бурят инородцев Галзотской волости» и т.д.

Об образцовой работе лазарета сообщает военному губернатору в письме от 5 июня 1916 г. главноуполномоченный РОКК при Кавказской армии Л. Голубев. Во время Эрзурумских боев в лазарете был устроен хирургический пункт профессора С.Ф. Чижка, которому помогали хирурги Н.Н. Лебедев, В.И. Востоков, А.И. Панкрышев. Из 3500 раненых во время боев за Эрзурум 2500 прошло через хирургический пункт Забайкальского лазарета.

В телеграмме на имя начальника госпиталя доктора Лаврова А.И. Кияшко писал: «Взаимно поздравляю Вас, весь персонал Забайкальского лазарета двухлетней самоотверженной работой на славном посту помощи доблестным защитникам горячо любимой родины...».

Заведующий городской больницей доктор Аарон Леонтьевич Цейтлин «изъявил желание принять на себя место врача при полевом лазарете, отправляемом от Забайкальской области на Западный фронт наших военных действий, — писал А.И. Кияшко, обращаясь к Городскому Голове. — Идя навстречу желанию врача А.Л. Цейтлина послужить родине, прошу вас немедленно созвать экстренное заседание Городской Думы для обсуждения вопроса о командировании Цейтлина на театр военных действий и временном замещении его в больнице другим врачом... Надеюсь, что Городская Дума станет в этом вопросе на общегосударственную точку зрения, которая требует сосредоточения всех

▲
Цейтлин А.Л.

сил страны в борьбе с врагом, временного забвения личных и общественных интересов, ради конечной цели – победы, от которой зависит все будущее дорогой нам родины». Но Дума, заботясь о нуждах города, отклонила эту просьбу, и с лазаретом выехали врачи Николай Васильевич Берлинский и Александр Иванович Христов, священник Сергей Иванович Знаменский, два фельдшера, 17 сестер милосердия (в том числе две сверхштатные) и 29 санитаров.

А.Л. Цейтлин в некрологе на смерть медицинской сестры Валентины Петровны Павлукской писал: «Покойная в 1900 г. в числе первых поступила в образовавшуюся в этом году в Чите Забайкальскую общину сестер милосердия. В 1903 г., получив звание сестры милосердия, работала в местной общине и вскоре же поступила в Читинскую городскую больницу. В феврале 1904 г. была направлена на театр военных действий в г. Фунхачень и, начиная с тюренченских боев до самого конца войны находилась на передовых позициях, за что награждена четырьмя нагрудными медалями. В декабре 1914 г. выезжает в качестве сестры

“
Из 3500 раненых во время боев за Эрзерум
2500 прошло через хирургический пункт
Забайкальского лазарета

”

милосердия со вторым забайкальским отрядом на Кавказский фронт, там с 8-м передовым отрядом генерала Баратова все время находится на передовых позициях. В апреле 1918 г. возвращается в Читу и снова начинает работу сестры милосердия в Читинской городской больнице... За работу на Кавказском фронте, где она заразилась малярией и которая все время давала себя знать, несмотря на систематическое лечение... Покойная имеет серебряные знаки и три георгиевские медали (2-й, 3-й и 4-й степени). Вот вся коротенькая, чисто внешняя биография. Сухая, подвижная, беспокойная, несколько суеверная, она обладала удивительным

▲
Гибанов Г.М. Рославль. 5 сент. 1914 г.

даром отдаваться всею своею душою и всею свою энергией своему тяжелому, беспокойному и ответственному делу. Я долго, очень долго и очень близко работал с нею и наблюдал. Я был спокоен, если сестра Павлукская приготовляла перевязочный материал и все нужное. Ничего не упущено – все обдумано..., я бы сказал, со святым беспокойством за порученную работу. За работой, будет ли это хирургическая, просто ли уход за больным, она была вся, со всей своей энергией и огромной любвеобильной душой. Временами приходилось поражаться, откуда все это? Где помещался в ней, истощенной на вид и вечно болезненной, этот родник энергии и любви к человеку? ...А эта любовь была огромная... Нужно помочь и в этом все дело. Кто, когда и где – безразлично. Ей нездоровится, она сама утомлена. Ничего: «кончу работу и отдохну». «Приезжайте к нам, – писала она мне с фронта, – здесь так много работы... 19 лет труда с небольшими перерывами для лечения, вечное малокровие, малярия, передовые позиции, больница, больные... И в конце этого тяжелого труда в больницах, на фронтах – картина

▲
Подвижной полевой госпиталь

разрухи армии со всеми зверскими и неподдающимися описанию сценами истязаний, расстрелов...». Не нашлось в наших архивах фотографии сестры Вали, но эти слова, сказанные доктором Цейтлиным, дороже нам самых прекрасных фотографий.

В Музее истории здравоохранения Забайкальского края сохранились фотографии сестры милосердия Анны Николаевны Варгановой (Мирошниковой) и ее подруг, которые служили в Забайкальской общине сестер милосердия. Анна Николаевна родилась 18 ноября 1885 г. в Забайкальской области, окончила Нерчинско-Заводское женское училище, профессиональное образование получила в Читинской частной повивальной школе врачей Ф.А. Лаврова и А.Л. Цейтлина в 1910 г. по специальности «повивальная бабка 2-го разряда». Служила сестрой милосердия в Забайкальской имени Великой княжны Марии Николаевны

24 апреля 9 часов ►

вечера 1916 г.

Белоруссия. Письмо

Г.М. Гибанова

дочери Зое: «Сейчас

приехали в Полоцк,

где придется

переночевать, а

завтра уже продолжим

путь через Великие

Луки в Торопец.

Путешествую теперь

по железной дороге.

Очень трудно, много

пассажиров, а потому

все время еду стоя.

Город этот очень

старый, что известно

тебе из истории.

Целую».

ГРОДНО.
GRODNO.Софійський кафедральний собор
Sobór Sofijski katedralny.

Чита, улица Ивановская, дом Гибановой. На открытке «Режица. Вид у реки». Белоруссия, весна 1916 г. «Здесь уже давно стоит теплая погода: тает снег и отчаянная всюду грязь. Пожалуй, лучше, чем в Чите, что нет пыли.

Уж очень сырьо, у меня начинают болеть легкие», — писал Г.М. Гибанов.

Общины сестер милосердия Красного Креста.

Сестры милосердия несли ежедневные дежурства в больнице Красного Креста и городской больнице, в военном госпитале, делали прививки против оспы. Навыки ухода за больными они получали во время совместного с врачом приема больных и при уходе за больными на дому. В 1907 г. в отдельном небольшом здании при общине открылся родильный приют на 4 кровати, где сестры милосердия оказывали помощь роженицам.

В расчетной книжке А.Н. Варгановой, где указывалось, в какое время, за кем из больных она осуществляла уход, отзыв о ее работе и сумма денег, которую платили родственники пациента в кассу Общины за работу сестры, есть интересные записи. Например, в 1912 г. нотариус Соболев писал: «Анна Николаевна Варганова — это идеальная сестра милосердия. Не жалея своих сил и здоровья ухаживала... за больной женой. Великое спасибо Общине, которая имеет таких самоотверженных честных тружениц на пользу человечества». Сами сестры получали очень скромное жалованье из кассы Общины.

В годы Первой мировой войны Варганова служила сестрой милосердия в 368 полевом подвижном госпитале на Западном фронте. Сохранились фотографии коллектива госпиталя, удостоверение, где личность запасной сестры милосердия Анны Николаевны Варгановой, приписанной к Псковскому резерву сестер милосердия Красного Креста, удостоверяет главный врач госпиталя Ботовский.

В 1918-1919 гг. Варганова служила в Красноармейском лазарете в г. Нерчинске, а в 1925-

Чита, Забайкальская область, дом
Л.В. Гибановой по улице Ивановской.
Володе Гибанову: «С днем ангела, мой
сынок Володя! Желаю тебе лучшего в
твоей молодой жизни. Работай над собой
больше, познавай себя и будешь счастлив
во всем. Отчего не пишешь? Как проводишь
время? Крепко целую тебя, всех. Твой отец.
Г. Варшава. 16.07.1915 г.».

26.05.1917 г. Местечко
Леббе Эстлянской губернии, ►
Базарная площадь: «Это
начало главной улицы
в Либбе, направо дом с
колоннами, конно-почтовая
станция, где и пришлось
жить мне несколько дней,
прямо магазин купца
Сармета. Летом здесь
очень хорошо. Рядом имение
баронессы Жиар, где я жил
сперва. В общем, местность
кругом Леббе — болотистая.
Ночами все время туманы.
Здесь постоянно приходится
ходить, т.к. это
единственное сухое место».

1926 гг. работала акушеркой в больнице Черновских копей. Более двадцати лет, с 15 декабря 1926 по 1948 гг., она служила медицинской сестрой II хирургического отделения Областной больницы им. В.И. Ленина, и в 1948-1958 гг. в этой же больнице работала гардеробщицей. Умерла Анна Николаевна в 1970-е годы в Маккавеевском доме престарелых. В музее истории здравоохранения сохранились документы, книга «Мужчина и женщина», открытка, присланная Анне Николаевне в 1917 г. из Анапы в Лифляндскую губернию, где в то время находился полевой госпиталь и несколько фотографий ее подруг по работе в Забайкальской Общине сестер милосердия с трогательными надписями, которые несут дух того времени.

В составе 4-й Сибирской стрелкой дивизии выехал на фронт фельдшер Г.М. Гибанов. Судя по боевому пути Сибирской дивизии, Гибанову пришлось участвовать в двух крупнейших операциях Первой мировой войны – Варшавско-Ивангородской оборонительно-наступательной операции русских войск Юго-Западного и Северо-Западного фронтов против германо-австрийских войск 15-26 сентября 1914 г. и Лодзинской наступательной операции германских войск с 29 октября по 11 ноября 1914 г.

Георгий Маркович Гибанов родился 10 апреля 1874 г. в семье военного в Иркутске. Он рано остался без матери. Отец вновь женился и в 1879 г. появился на свет младший брат Андрей. Георгия определили в военно-фельдшерскую школу, которую он окончил в 1894 г. Читинская военно-фельдшерская школа открылась в 1872 г. при военном госпитале. В школе обучались 4 года, в основном, дети казаков. Набирали 20-30 человек ежегодно на платные и бесплатные (казенномкоштные) места. Казенномкоштные ученики обязаны были отработать 6 лет в военных лечебных учреждениях. В состав преподавателей входили известные в городе врачи, работавшие в госпитале и городской больнице: В.Я. Кокосов, А.Г. Цитович, А.К. Болтузевич, В.Ф. Миропольский, И.И. Шари, А.Л. Цейтлин, фармацию преподавал фармацевт И.И. Дзевони и др.

После окончания обучения Г.М. Гибанов слу-

жил в Читинской войсковой больнице для душевнобольных ЗКВ, в Кударинской войсковой больнице, смотрителем Туркинской больницы и курорта (ныне курорт Горячинск). Женился на дочери казака 1-й Чинданской станицы Лидии Савельевне Савватеевой. Было у них шестеро детей, жили небогато. В 1904 г. Георгий Маркович принимал участие в войне с Японией и был награжден бронзовой медалью. Светлана Михайловна Сазонова, внучка Георгия Марковича Гибанова, фельдшер, выпускница Читинского медицинского училища, сохранила письма деда, написанные жене и детям с фронта Первой мировой войны на почтовых карточках. В коротких строчках письма чувствуется тревога о семье, жене и детях, которые хоть и растут без отца, но постоянно чувствуют его внимание и заботу.

По словам внучки, свои царские боевые награды Георгий Маркович в советское время уничтожил, о чем, конечно, сожалел, ведь это была его жизнь, его служение Отечеству. Родным и близким о тех событиях он иногда рассказывал, но многое недоговаривал, побаивался. И на то были причины. Сам он избежал репрессий, а его брат Андрей Маркович Гибанов, школьный учитель из Могочи, в декабре 1937 г. был арестован и через два месяца, как было сказано родственникам, умер в тюремной больнице. Реабилитирован весной 1958 г.

С далеких двадцатых годов до 1952 г. Георгий Маркович работал в отдаленном Красночикойском районе, жил в селах Этытей, Байхор, Красном Чике, был заведующим больницей. В 1952 г. семья Гибановых перебралась поближе к городу в Улентовский район, а в 1958 г. Георгий Маркович вышел в отставку, и семья переехала в Читу. В 1973 г. Г.М. Гибанов скончался, немного не дожив до своего стотысячного года. У каждого из шестерых детей Георгия Марковича своя судьба. Старший сын воевал с японцами на Халхин-Голе, участвовал в Великой Отечественной войне, дослужился до полковника и закончил свой жизненный путь в Улан-Удэ, как и отец, на девяностом году жизни. Младший сын, тоже участник войны, директор школы, трагически погиб в Тулуне. Одна из дочерей умерла в раннем возрасте, другая стала фармацевтом, третья – учительницей, младшая – медиком.

▲
Варганова А.Н.

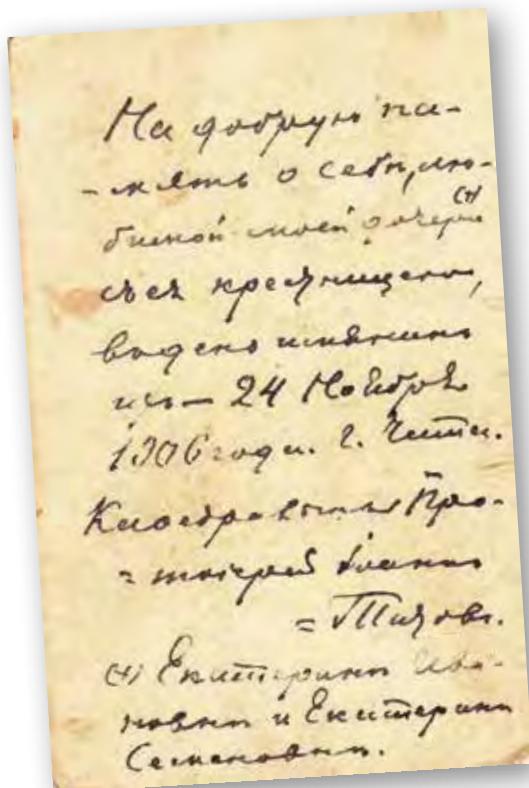
Доктор А.Л. Цейтлин писал в 1919 г.: «Отмечают, что нигде нет такой короткой памяти к своему прошлому, как у нас на Руси... Кончилось и с плеч долой. Мало кто думает, что день сегодняшний есть непосредственное продолжение вчерашнего, и канун завтрашнего».

«Старый» Казанский Собор
построен в 1866 г.

Максим МАКАРОВ (Париж), Татьяна ШИЛЬНИКОВА (Чита)

**«ПОДВИЖНИЧЕСТВО,
ЧЕСТНОЕ СЛУЖЕНИЕ
И РЕВНОСТНОЕ
ПОПЕЧЕНИЕ О БЛАГОСТИ
ПРИХОЖАН...»**

На добрую память о себе любимой моей дочери с крестницей (Екатерине Ивановне и Екатерине Семеновне) ... 24 ноября 1906 года. Кафедральный протоиерей Иоанн Титов

о. Иоанн ТИТОВ
18 апреля 1830 г. — 7 декабря 1915 г.

1906 г.

Фото. Протоиерей И. Титов.

Титовы – старинный род забайкальских священнослужителей. В самой ранней из сохранившихся книг Градо-Читинской Михайло-Архангельской церкви в записях за 1722 г. встречаются автографы дьячка Иоанна Титова и пономаря Никиты Титова. В записях от 1740 г. значатся священник Симеон Титов, дьякон Иоанн Титов, дьячок Хрисанф Титов, пономари Илья, Никита и Епифан Титовы [ГАЗК Ф.282, Оп.1, Д.1]. Если учесть, что в середине XVIII в. Читинская слобода с острогом насчитывала немногим более 20 семей общей численностью около 100 человек, то, по-видимому, все упомянутые Титовы являются представителями одного рода. «Устное народное предание говорит, что на этом месте, где ныне находится часовня,

построена была первая церковь по инициативе трех братьев Титовых, выходцев из внутренних губерний России и наперво поселившихся в так называемой ныне станице Титовой, получившей будто бы название свое от фамилии Титовых, из которой они приходили для служения в этот храм...» [ГАЗК Ф.8, Оп.2, Ед.Хр.5, Л.2-об]. Деревня Титово, находящаяся у подножия сопки, со временем стала районом Читы, а сопка и по сей день так и зовется – Титовская.

Родословная настоятеля Читинского Собора во имя Казанской иконы Божьей матери (известный как «старый» Казанский Собор) кафедрального протоиерея о. Иоанна Иоанновича Титова хорошо прослеживается с начала XIX в. В семье священ-

▲
Михайло-Архангельская церковь
построена в 1776 г.

ника Михайло-Архангельской Читинской церкви Афанасия Титова (р.1770?) и его жены Веры Петровны (р.1774) по крайней мере трое сыновей Иоанн (р.1796), Хрисанф (р.1805) и Илья (р.1799) продолжили дело отца и служили в той же церкви [ГАЗК Ф.282, Оп.1, Д.Д. 224, 424, 453]. По данным исповедных книг этого периода в Читинском остроге было всего 6 «духовных дворов», из них 4 семьи Титовых [ГАЗК Ф.282, Оп.1, Д.290]. 18 апреля 1830 г. у дьякона Иоанна Афанасьевича Титова и его жены Анны Афанасьевны (р.1795) и родился сын Иоанн.

В семейных преданиях сохранилось интересное упоминание о том, что «...у нас (у Титовых) в роду была тунгусская принцесса...». Вполне вероятно. Ведь даже в конце XIX века русские составляли едва больше половины населения этих мест, испокон веку заселенных бурятами, тунгусами, эвенками. Смешанные браки в Забайкалье были делом распространенным. Кто-то из основателей читинского рода Титовых действительно мог жениться на дочери местного князя, обращенного им со всем семейством в христианство. Любопытно, что до сих пор у потомков рода Титовых иногда проскальзывают характерные восточные черты лица. А у самого Иоанна Титова они были выражены довольно сильно.

После окончания в 1852 г. курса Иркутской Духовной Семинарии с аттестатом 2-го разряда

Иоанн Иоаннович Титов был рукоположен в дьяконы все той же «семейной» Градо-Читинской Михайло-Архангельской церкви. А два года спустя в 1854 г. он был направлен священником в Казанско-Богородицкую церковь села Николаевского, расположенного в 170 верстах юго-западнее Читы. Его усилиями церковь была обустроена, приход окреп, за что сам о. Иоанн был удостоен первой в своей жизни благодарности от Епархиального начальства (1860). Здесь же в Приходском Училище он целых двадцать лет «усердно относил должность» Законоучителя. «За ревностное попечение о благочестии прихожан» о. Иоанн был награжден наперсным крестом (1861), набедренником (1865), скуфьею (1872) и был удостоен благословения Священного Синода (1869).

В январе 1874 г. о. Иоанн Титов избирается Благочинным по 1-му Читинскому Благочинному участку, «каковую должность бессменно относил до ноября 1894 г.» [ГАЗК Ф.8, Оп.2, Ед.хр.5, Л.Л.8-18об].

Завершился первый период пастырской деятельности Иоанна Титова и начался второй – самый активный период его жизни. В октябре 1874 г. о. Иоанн переведен на службу в Читинский Михайло-Архангельский собор, настоятелем которого становится в 1884 г. по возведению в сан протоиерея.

Больше тридцати лет было отдано о. Иоанном народному просвещению. Законоучитель сначала в приходском Училище (1875-1886), затем в Читинской женской гимназии (1886-1894), в 1888 г. он назначен Председателем Читинского отделения Епархиального Училищного совета, а с 1891 г. руководил Забайкальским Епархиальным Училищным Советом.

Помимо основной службы настоятеля Михайло-Архангельского собора и преподавания Иоанн Титов очень активно участвует в жизни города, ведет большую общественную деятельность. В 1884-1898 гг. он руководит Епархиальным Попечительством о бедных духовного звания, в задачу которого, среди всего прочего, входила опека над сиротами из семей священнослужителей.

В 1885-1895 гг. о. Иоанн возглавлял церковное Братство Святителей Кирилла и Мефодия и святителя Иннокентия Иркутского чудотворца. Это добровольное попечительское общество собирало средства для школ и училищ, распространяло учебники и школьные принадлежности, для чего им были организованы склады в крупных городах Забайкалья. Члены Братства проводили богослужеб-

ные чтения вне церкви, заботясь о нравственном воспитании населения.

В 1879 г. Иоанн Титов назначен «членом Читинского Духовного Правления по следственному столу с присвоением оному Миссионерских дел» [Указ Иркутской Духовной Консистории №6233 от 31 декабря 1879 г.].

В 1886 г. он назначен Председателем Комитета по постройке в Чите Архиерейского подворья Духовного Правления. С 1884 по 1893 г. Иоанн Титов – гласный Читинской Городской Думы, с 1890 по 1896 г. – член Забайкальского Статистического и Народного Здравия Кабинетов. В 1882 г. о. Иоанн Высочайше награжден знаком Красного Креста за особое попечение о больных и раненых воинах.

За многолетнюю «отлично усердную службу» о. Иоанн пожалован орденами Св. Анны 3-й (1884) и 2-й (1890) степеней.

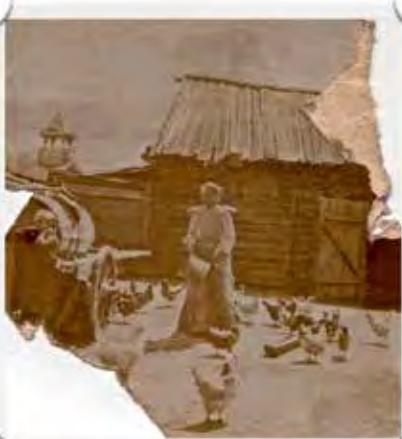
Но в 1894 г. происходит ряд очень важных изменений в жизни Иоанна Титова. По прошению он увольняется от должности Законоучителя (с назначением пенсии 400 руб. в год за выслугу

▲
Иоанн Титов в женской гимназии. 1894 год

лет от Министерства Народного Просвещения), с поста Председателя Училищного совета, а также складывает с себя все другие должности «за многосложностью своих обязанностей». Ибо в 1894 г. он назначен Кафедральным протоиереем Читинского Кафедрального Собора и одновременно утвержден членом только что образованной Забайкальской Духовной Консистории, где ему назначено заведывание 1-м Епархиальным Столом – Распорядительным отделом, ведавшим всеми кадровыми вопросами Епархии. Так наступил третий этап жизни о. Иоанна Титова – вершина его службы. Награды говорят сами за себя: орден Св. Владимира 4-й ст. (1895), палица (1900), ордена Св. Владимира 3-й ст. (1903) и 2-й ст. (1912), Св. Анны 1-й ст. (1904) и золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества «за 50 лет службы в

Улица
Ангарская

Дом Иоанна
Титова

сане священника» [ГАЗК Ф.8, Оп.2, Ед.хр.322, Л.7]. В родной Чите о. Иоанн пользовался очень высоким авторитетом: «Маститый 80-ти летний старец, член Забайкальской духовной консистории и кафедральный протоиерей Иоанн Иоаннович Титов...» [Архимандрит Ефрем. Иргень – место святое. Чита, 1911].

Это было истинное ревностное и полное самоотдачи служение Святому Делу, лишенное какой бы то ни было корысти. Ошибочно думать, что столь успешная карьера о. Иоанна привела к его личному материальному благополучию.

В этой связи интересно письмо Епископа Иоанна на имя Обер-прокурора Святейшего Синода от 20 февраля 1915 г.: «...Вследствие отношения... по вопросу о награждении кафедрального протоиерея Иоанна Титова за многолетние и добрые труды почетной наградой вместо просимого им единовременного денежного пособия имею честь сообщить, что означенный протоиерей просил Консисторию не представлять его к награде за невозможностью для него уплатить деньги, которые обычно взимаются за награды. Он крайне беден, и за Орден Святого Владимира 2-й степени, коим был награжден в последний раз, не мог уплатить – уплатили за него прихожане, сделавшие на сей предмет сбор. Для протоиерея дороже и полезней всякой другой награды было бы денежное пособие, о котором он просил два раза, и которое вполне заслужил за свои шестидесятилетние труды, из коих 33 года состоял членом Консисто-

рии и Духовного Правления...». По данным о налогах с недвижимого имущества по г. Чите за 1908 г. стоимость принадлежащего протоиерою Иоанну Титову имущества оценена в 325 руб. из которых 42 руб. 51 коп. отчислялись в доход городского сбора [ГАЗК Ф.30, Оп.1, Д.412].

Проживал Иоанн Титов с семьей в своем доме («дом Титова» как он и значится в документах тех лет) на пересечении Камчатской и Ангарской улиц совсем недалеко от «старого» Собора во имя Казанской иконы Божьей Матери на Михайловской площади.

Семья Титовых была большая. Вместе с о. Иоанном проживала его родная старшая сестра Анна (р.1828), незамужняя дочь Екатерина (р.1863), взявшая, по-видимому, на себя все хозяйство после смерти матери в 1886 г., сын Иннокентий (р.1871, служащий Духовной Консистории) и, позднее, вся большая семья старшего сына Семена (р.1865, делопроизводитель Войскового Хозяйственного Правления ЗабКВ, дослуживший до чина надворного советника в 1914 г.). Старшая дочь Марфа Иоановна (р.1858) была замужем за священником Михаило-Архангельского Читинского Собора Гаврилой Аркадьевичем Асташевским (р.1862) и жила отдельно.

Семен Иванович Титов был женат на дочери кафедрального протоиеря Верхнеудинского Одигитриевского собора Стефана Лукича Попова (1830-1911?) – Ольге Стефановне (р.1873). Иоанн Титов и Стефан Попов хорошо знали друг друга еще по совместному выпуску Иркутской семинарии, и брак их детей был, в какой-то мере, закономерностью.

Про Благочинного протоиеря Стефана Попова нужно сказать несколько слов отдельно. После окончания Семинарии по первому разряду, он был сразу определен учителем во второй приходской класс Иркутского духовного училища, где в 1853-1854 гг. преподавал просторный катехизис и славянский язык. В 1854 г. его переводят инспектором и учителем греческого и монгольского языков, географии и нотного пения в Нерчинское духовное училище. Высокообразованный человек, он был большим подвижником – в двадцати приписанных к его приходу деревнях и селениях он организовал приходские школы, был исполнителем образовательной программы Синода в уезде, за что был награжден орденом Св. Анны 3-й (1889) и 2-й (1901) степеней, набедренником и палицей, орденом Св. Владимира 4-й ст. (1902).

В 1890-х годах Стефан Попов был председателем Верхнеудинского отделения училищного совета Читинского Церковного Братства и препо-

Старшая сестра Анна

давал Закон Божий во всех трёх городских одноклассных приходских училищах Верхнеудинска. Кстати, здесь же в 3-м училище в 1898-1899 гг. преподавал и сын о. Стефана – Стефан Стефанович, в то время студент Иркутской духовной семинарии.

Как настоятель кафедрального собора города, Стефан Попов освящал Царские Ворота, воздвигнутые на Большой улице Верхнеудинска к приезду Цесаревича Николая в 1891 г.

Сохранились воспоминания, как во время еврейского погрома в Верхнеудинске о. Стефан прятал в Соборе еврейские семьи и сам вышел с крестом на улицу, дабы сдержать не ведавших, что творящих, погромщиков.

У Семена Ивановича и Ольги Стефановны Титовых было 6 дочерей и 3 сына. Все (!) дети Титовы получили полное среднее, а старшие успели получить

Семен Иванович
Титов. 1893 год

Ольга Степановна
Попова. 1893 год

▲
Семья Титовых. Любительские фото Семена Титова

и высшее образование. Татьяна (р. 1894) окончила Бестужевские курсы с золотой медалью и после служила учительницей одноклассного училища в посёлке Фарково ст. Ломовская Нерчинского округа. Антонина (р. 1895), окончив с наградой в 1914 году Читинское Епархиальное женское училище, начала учиться на Бестужевских курсах, но с началом войны учёбу пришлось прервать. Серафима (р. 1897) также не успела окончить курс медицинского факультета Киевского университета, куда поступила вольнослушательницей. Тяга к просвещению и любовь к знаниям, к чтению была очень почитаема в семье. По воспоминаниям, в доме Титовых стояли шкафы с книгами, среди которых были и альбомы с

Титовы Антонина Семеновна
и Татьяна Семеновна

репродукциями картин, икон Рублёва. Семен Иванович увлекался резьбой по дереву (его дети рассказывали о великолепной резной шкатулке «Старая Чита») и любительской фотографией – сохранились сделанные им снимки семьи, дома, города.

Заявление о. Иоанна от 9 января 1912 г. на имя Епископа Забайкальского и Нерчинского Методия: «...Долгом своим считаю доложить Вашему Преосвященству... что после двухмесячной трудной болезни в настоящее время чувствую себя совершенно оправившимся от болезни, нахожу возможность обратиться к своим служебным чинностям по Собору, духовной Консистории и Благочиний 22 округа. А по сему поченнейше испрашуваю Вашего Архимандритского благословения на сие...» [ГАЗК Ф.8, Оп.1, Д.322]. Иоанну Титову исполнилось 82 года, и он только что перенес инфаркт.

Титовы Екатерина Семеновна
и Алексей Семенович. 1912 год

Но возраст всё же брал своё. В октябре 1913 года Епископ Иоанн подал прошение в Святейший Синод «об увольнении Иоанна Титова от должности члена Забайкальской Духовной Консистории по слабости сил с ходатайством о назначении ему усиленного единовременного пособия ввиду многолетней беспрерывной отличной-усердной и полезной службы его в должности члена читинского Духовного правления и Забайкальской Духовной Консистории...» В феврале 1914 года своим решением Святейший Синод удовлетворил прошение об отставке о. Иоанна, отказав ему, однако, в единовременном пособии «ввиду крайней ограниченности средств Святейшего Синода».

А в декабре 1914 г. Иоанн Титов подает заявление на имя Епископа Забайкальского и Нер-

Кафедральный протоиерей о. Иоаннъ Иоанновичъ Титовъ (Некрологъ).

Послѣ кратковременной болѣзни, на 86-мъ году жизни почилъ о. Бозъ Забайкальскій кафедральный протоиерей о. Иоаннъ Иоанновичъ Титовъ: смерть послѣдовала 7 числа сего декабря въ 10 час. 30 мин. вечера.

Покойный образованіе получилъ въ Иркутской духовной семинаріи, которую окончилъ по второму разряду въ 1852 году. Въ тотъ-же годъ, 27 ноября, Архіепископомъ Ниломъ онъ былъ рукоположенъ въ санъ діакона къ градо-Читинской Михаило-Архангельской церкви, а въ 1854 г., 2 февраля, тѣмъ-же Архіепископомъ былъ рукоположенъ въ санъ священника къ Богородице-Казанской ц. села Николаевскаго, Читинскаго уѣзда, гдѣ и служилъ до 21 октября 1874 года—до времени перевода его Архіепископомъ Веніаминомъ на службу къ Читинскому Михаило-Архангельскому собору. Въ 1879 г., 31 декабря, о. Иоаннъ Архіеп. Веніаминомъ былъ назначенъ членомъ Читинскаго духовнаго Правленія по судному столу съ возложеніемъ на него веденія и дѣлъ міссіонерскихъ. Въ 1884 году 24 июня онъ назначается старшимъ членомъ Читинскаго Отдѣ-

— 779 —

ленія Иркутскаго Епарх. Попечительства о бѣдныхъ духовн. званія и относить это служеніе до 3 августа 1898 года. Съ учрежденіемъ въ 1894 году въ Забайкальѣ самостоятельной епархіи о. Иоаннъ назначается каѳедральнымъ протоіереемъ и членомъ Забайкальской духовной консисторіи по административному столу, относя послѣднюю обязанность до марта 1914 г. (указъ обѣтъ увольненіи 8 янв. 1914 г.) и сохраняя званіе „каѳедрального“ до конца жизни. Въ то-же время о. Иоаннъ состоялъ законоучителемъ въ жснскій гимназіи и въ разныхъ начальныхъ школахъ, былъ членомъ Братства Свв. Кирилла, Меѳодія и Иннокентія съ самаго начала учрежденія его при епіскопѣ Мелетіи, а когда при Братствѣ открылось Читинское Отдѣленіе Иркутскаго Епарх. Училищн. Совѣта, о. Иоаннъ былъ назначенъ его предсѣдателемъ. Затѣмъ о. Иоаннъ состоялъ по двумъ выборамъ, съ 1884 по 1893 г., гласнымъ Городской Думы, членомъ Комитета по постройкѣ въ Читѣ Каѳедральнаго Александро-невскаго собора и др. комиссій. Наконецъ, много лѣтъ по епархіальному управлѣнію о. Иоаннъ относилъ должность Благочиннаго, въ послѣднее время состоялъ Благочиннымъ собора и Читинскаго женскаго монастыря.

Движеніе о. Иоанна въ знакахъ отличія: наперстный крестъ на Владимирской лентѣ въ память турецкой войны—въ 1861 году, набедренникъ—въ 1865 г., скуфья и благословеніе Св. Синода—въ 1869 г., ка-

Забайкальские епархиальные ведомости - №24 1915 г.

чинского Иоанна: «...По причине болезненности моего сегодняшнего здоровья... покорнейше прошу Ваше Преосвященство милостивого отца впредь уволить меня отъ понесения обязанностей по Собору и Благочинию 22 округа...» [ГАЗК Ф.8, Оп.2, Ед.хр.322, Л.43]. Просьба была, по-видимому, удовлетворена.

В меру своихъ силъ о. Иоанн продолжал служить въ «своемъ» Соборе, которому онъ отдалъ больше пятидесяти летъ жизни. Причемъ, какъ рассказывали

бывшие прихожане Казанскаго Собора, о. Иоанн всегда совершал службы «по-старому» [Лобанов В.Г. Старая Чита, 2003 Чита: с.191].

О. Иоанн Титов тихо скончался 7 декабря 1915 года на 86 году жизни, изъ которыхъ 63 года верой и правдой служилъ Господу и своимъ прихожанамъ [Забайкальские епархиальные ведомости, №24 1915 г.]. «Старый» Казанский собор ненадолго пережилъ своего бессменного настоятеля и былъ разрушенъ въ 1930-хъ годахъ.

— 780 —

милавка—въ 1875 г., наперстный крестъ, отъ Св. Синода выдаваемый—въ 1879 г., знакъ Краснаго Креста—въ 1899 г., санъ протоиерея—въ 1884 г., орденъ св. Анны 3 ст.—въ 1884 г., орденъ св. Анны 2 ст.—въ 1890 г., орденъ св. Владимира 4 ст.—въ 1895 г., Александровская медаль—въ 1896 г., Николаевская медаль—въ 1898 г., палица—въ 1900 г., знакъ Краснаго Креста установления 24 іюля 1899 г.—въ 1899 г., орденъ св. Владимира 3 ст.—въ 1903 г., наперстный крестъ изъ Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА безъ украшений—въ 1904 г., орденъ св. Анны 1 ст.—въ 1907 г., орденъ св. Владимира 2 ст.—въ 1912 г., юбилейные Романовскіе крестъ и медаль—въ 1913 году. Отъ города о. Иоаннъ въ день своего 50-лѣтнаго юбилея получилъ наперстный золотой съ драгоценными камнями крестъ, а отъ разныхъ учрежденій г. Читы—иконы и другія вещи въ знакъ выраженія къ нему любви и уваженія.

Покойный любилъ выражаться: „пою Богу моему, дондеже есмь“ и это выраженіе выполнилъ въ дѣйствительности. Всенощную на 6 декабря онъ началъ служить, но послѣ литіи ослабѣлъ и былъ уведенъ домой, гдѣ и легъ въ постель, съ которой не судиль ему Господь встать.

Выноси тѣла изъ дома въ Михаило Архангельскій соборъ былъ совершенъ сонмомъ священно-служителей 9 декабря въ 3 часа дня. По принесеніи почившаго

— 781 —

въ соборъ началось у гроба его служеніе паастаса. На слѣдующій день Архимандритомъ Ефремомъ въ со-служеніи протоиереевъ и священниковъ была совер-шена заупокойная литургія, а затѣмъ чинъ священ-ническаго отпѣванія, на который вышло 23 священ-ника, при 4 діаконахъ, во главѣ съ Архимандритомъ Ефремомъ. Пѣло два хора—миссионерскій и соборный. Предъ отпѣваніемъ о. Архимандритъ сказаъ слово. Во время отпѣванія были сказаны двѣ рѣчи: предъ пѣніемъ „Со святыми упокой“ сказаъ законоучитель Реальнаго училища о. Константинъ Коронинъ, предъ прощаніемъ—о. протоиерей Сергій Старковъ. Умили-тельный чинъ отпѣванія закончился около 4 часовъ вечера, послѣ чего, по обнесеніи тѣла кругомъ собора, гробъ былъ опущенъ въ могилу въ соборной оградѣ противъ алтаря. При отпѣваніи присутствовалъ Его Превосходительство, Забайкальскій Вице-Губернаторъ д. с. с. А. П. Нарышкинъ.

Да упокоетъ Господь въ селеніяхъ святыхъ своихъ благоговѣйнаго пастыря своего словеснаго стада—о. Иоанна Титова, 63 года съ лишкомъ добрѣ подви-зашагося въ его ветроградѣ.

Фото из личного архива М. Макарова
и Л. Титовой

Вера СЕЛЕЗНЕВА (Чита)

ВОЗВРАЩЕНИЕ В УКУРИК

Летом маленькая забайкальская деревня Укурик оживает. К старикам приезжают их дети, внуки. Пустовавшие зимой дома принимают горожан, тех, кто когда-то родился здесь и покинул отчий край в поисках работы, успеха, признания, смысла жизни и, может быть, самих себя. Они возвращаются, чтобы вдохнуть чистый воздух детства, чтобы поклониться всему, что наполняло ум и сердце радостью и гармонией жизни — родному дому, речке, где купались с друзьями, лугам, куда выезжали на сенокос большой дружной семьей. Возвращаются, чтобы прикоснуться к святыням в деревенском дацане, возрожденном их общими усилиями. И пройти свой путь к исполнению желаний.

«Наша родина связана с сакральным местом “Норбу Банзад”, с тибетского это означает “исполняющий желания”, – рассказывает Баир лама, настоятель дацана в Укурике. – **Раньше туда ходили крадучись, тайно, совершали обряды, молились.** Теперь приезжают люди из Бурятии, Москвы, Монголии, Иркутска, Улан-Удэ, Читы. Приезжают, чтобы получить частицу того, что здесь есть».

В ранние годы династии Юань, в конце XIII века, по велению императора Хубилая, в 250-ти километрах от Пекина, в горах Утай Шаня на пяти вершинах были построены буддийские монастыри. Они посвящены Манчжуши – Божеству Мудрости, покровителю искусств и ремесел. Утай Шань – одно из четырех главных мест паломничества буддистов. Многие века на эти вершины поднимались на ко-

ленопреклонение монахи и верующие из разных стран...

...В середине XIX века в Утай Шань в паломничество отправился человек по имени Порше, глава древнего уважаемого рода дарханов. Они проживали в Забайкалье, на берегу Хилка, в местности Суранзон, что означает «магнит». Из семей этого рода выходили художники, мастера по обработке дерева и металла, искусные ювелиры. Самый прославленный из рода Порше – художник и скульптор Даши Намдаков.

В монастырь Фусадэн в горах Утай Шаня ведут 108 ступенек, они символизируют степени мастерства личности. Здесь старый монгольский лама делает отпечаток на ткани печати Божества мудрости, искусства Манчжуши, – особо благосклонного к

“

Даши: «Что такое успех? Честно, я мало думаю об этом. Думать об этом бессмысленно. Во внешнем проявлении успеха меня мало что интересует. Дело, которым я занимаюсь, искусство, получает всего меня полностью, моя семья и все люди в моем окружении понимают это. Хорошо это или плохо, но я весь в этом. Для меня важен профессиональный успех. Признание дает свободу. Хочу или не хочу, то, что я делаю, остается в истории. В камне, в бронзе. При всем желании это сложно уничтожить. Так как это останется, для меня важно, чтобы этот след был чистый».

“

Даши: «Меня пригласили два года назад на эту выставку. Она посвящена 100-летию археологического отдела главного исторического музея нашей страны. Я, конечно, сразу отреагировал. Археология — мои любимые залы, даже в Эрмитаже я делал выставку рядом с археологией. Важен адрес музея: Красная площадь, дом №1. Символично».

”

На фото. Буда-Ханда Жамсоевна, мама Даши Намдакова, Укурик, июнь 2014 г.

тем, кто идет дальше ремесла, чей талант творит большое искусство.

В последние годы, после поездки родителей Даши Намдакова в монастырь Фусадэн, новое поколение укурикцев посещают этот храм. И при этом уроженцы села заметили, что большинство детей стали получать профессии, в которых смогли реализовать себя и свои творческие устремления.

...Нелегким и долгим был путь Порше к монастырю. Три месяца, а может и больше ушло на дорогу. В одном из монастырей Утай Шаня паломник из Забайкалья встретился со священнослужи-

На пути к Кедру. Дорога к исполнению желаний. Укурик, июнь 2014 г.

телем и спросил, что ему сделать, чтобы потомки не страдали из-за его грехов, чтобы в следующей жизни им перешли добродетели, которые он совершил.

Лама ответил: «Вернись на родину, найди местность у реки Орто с названием Сагаан Обоо, где покровитель по имени Норбу Банзад. В этом месте растет кедр, которому много сотен лет. И пусть это будет священным родовым местом поклонения Будде и светлым силам искусства и ремесел...»

До революции Укурик и еще несколько близлежащих сел относились к приходу Чесанского дацана, расположенного в Кижингинском райо-

не современной Бурятии. В 1929 году монастырь закрыли, а в 37-ом репрессировали и расстреляли многих лам. Среди них были 19 лам из села Укурик, в том числе ученые ламы из рода Порше. Двумя годами раньше были репрессированы сыновья Порше. Имена священнослужителей Чесанского дацана высечены на мемориальной доске рядом с дацаном. Среди них имя дяди и отца Буда-Ханды Жамсуевой, уроженки Укурика. Она приехала на молебен из Улан-Удэ, где сейчас живет с семьей.

«**Мой отец был хувараком-учеником ламы**, – рассказывает Буда-Ханда. – В 41-ом он ушел на

Цымжидма Бадмажапова, художник-реставратор, (г. Улан-Батор, Монголия). Укурик, июнь 2014 г.

“

Даши Намдаков: «Я самокритично отношусь к себе и своей Родине.

Это интимно. Я никогда публично об этом не скажу. Хотелось, чтобы было выстроено отношение к пожилым людям, инвалидам, сиротам, немощным. Но критиковать легко, не люблю людей, которые критикуют, люблю людей, которые что-то делают, чтобы было лучше.

”

“

Даши Намдаков: «В Укурике я бываю даже чаще, чем многие, кто живет рядом, в Чите. Сначала заеду в Улан-Удэ, к моим родителям, братьям, сестрам, а потом — сюда. Я нуждаюсь в том, чтобы приехать в Укурик, туда, где я родился, побывать в том месте, где стоит кедр. Для нас наши святые места — это часть нас. А молодежь, наверное, по-разному относится к традициям. Мы еще застали то воспитание, ту эпоху. Я считаю, эта эпоха ушла. Но я счастлив, когда вижу, с какой радостью вместе со мной сюда едут трое моих детей: две дочери — одна школьница, вторая — еще совсем маленькая и взрослый сын, его жена и двое малышей. Когда я приезжаю, друзья растопят печку в родительском доме, где жила наша большая семья. Мне важно переночевать в постели мамы, отца. Нас было восемь детей, помню, родители где-то находили кусочки кожи, меха, шерсть, из них шили унты, продавали, чтобы нас прокормить. Мы всегда помним цену хлеба, который нас вскормил.

У порога родительского дома зарыт мой послед и пуповина — тонтоо. Я возвращаюсь и знаю, что оно здесь, как реальный заряд, часть моей жизни, моего мироощущения».

”

▲
Монументальная скульптура «Чингисхан»

войну. Победу встретил в Германии. Какую тяжелую жизнь прошел, на самых тяжелых работах был. И Бог дал долголетие. Умер он в 99-ом. Надо поклониться, как же я не приеду. Это моя Родина».

В 1947 году местные жители привезли в Иволгинский дацан свои пожертвования и получили в дар священные буддийские книги — сутры, 21 том, в которых заложена мудрость веков и всех поколений. Сострадание к людям и всем живым существам, терпимость, благодеяния, жизнь в гармонии. Эти книги — главная реликвия дацана в Укурике.

«Это зеркала мудрости, — объясняет Баир лама,

настоятель дацана в Укурике. — **Семья, родители, то место, где мы живем, устои народа рождают энергию, которая переходит из поколения в поколение и дает необъяснимую внутреннюю силу».**

Обходя дацан, люди прижимают к груди сутры. Они молятся о благополучии своей семьи, своих детей и своего народа.

...В начале 90-х налаженная жизнь в Укурике, как и во всей округе, и во всей стране пошатнулась. Колхоз разваливался, люди остались без денег. Но именно тогда здесь стали строить дуган — и старики, и молодежь. Сами начертили проект. На деревенской пилораме заготовили стройматериалы, гвозди покупали в складчину, в основном, на скучные деньги пенсионеров. С чердаков и сундуков достали фигуры буддийских божеств, скромную утварь. Поставили основание, стены. Полностью завершили строительство уже в 2012 году. Средства собрали все — и те, кто давно покинул родную деревню, и те, кто живет здесь. На освящение приехали высокие гости — и даже Хамбо лама, whom оказал высокую честь Укурику.

Цымжидма Бадмажапова тоже приложила свои руки — в прямом смысле, изваяв львов, охраняющих вход в дацан, символизирующих храбрость, благородство, постоянство и чистоту учения Будды. Цымжидма родилась в Укурике, приезжает

сюда к брату из Улан-Батора, где живет ее семья. Лепкой она занималась еще в школе, но не осознавала, что будет скульптором. Просто она не знала, что есть такая профессия. Потом, уже во взрослой жизни, вспомнит себя маленькой девочкой, которую мама подвела к старому ламе. Он что-то прошептал маме о судьбе дочери... Девочка выросла, окончила художественное училище имени Серова в Санкт-Петербурге, вышла замуж. Талантливая художница, она одной из первых в Монголии освоила искусство реставрации буддийских храмов, соединив в своем творчестве европейскую технологию ваяния с восточным содержанием.

«Теперь я знаю, что это миссия – быть художником-реставратором», – говорит Цымжидма Бадмажапова, вспоминая старого ламу.

Еще одно ее воспоминание из жизни в Укурике – деревенские дети и среди них – Даши Намдаков, в их семье было восемь детей, он родился шестым. Теперь это всемирно известный художник-скульптор. Его работы хранятся в фондах Эрмитажа, Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, Музее искусства народов Востока, Музее современного искусства в Москве, в музеях многих стран мира, в частных собраниях в Германии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Финляндии, Японии, США, Тайване. Даши Намдаков провел более 16 персональных выставок в России и за рубежом. Работает в Италии и в Англии, живет в Лондоне. Именно в Лондоне осенью этого года

▲
Баир лама, настоятель дацана в Укурике.
Укурик, июнь 2014 г.

▲
Скульптура «Золотой дракон»

Даши Намдаков впервые представил свои скульптуры из камня. Очень важной для него была выставка в Государственном историческом музее «Кочевник. Между небом и землей». Работы Даши Намдакова соседствовали с шедеврами древних культур степей Евразии из собрания этого музея.

▲
Графические работы. Из серии «Монгол»

▲
Ювелирные изделия. «Краб»

«Я помню его мальчиком, – рассказывает Цымжидма. – Он из дерева вырезал фигурки. Его первым учителем был отец – Балыжин Ахай. Он делал мебель, ткал ковры, первым в Укурике начал шить унты и научил других. В колхозе работал и бригадиром сенокосной бригады, и столяром, и плотником, и кузнецом. Все умел делать. Есть такие дни, когда по буддийской вере рождаются гениальные люди. Имя Даши полностью – Дашинима (Удачливое солнце). В чем его талант? Это энергетика Земли и наше Небо. И, конечно, великий труд. Без энергетики Родины не становишь знаменитым. Эта энергетика подпитывает. Каждый домой приезжает. Родина тянет.»

Хамбо лама приезжал к нам в гости на праздник в Укурик, когда мы открывали дацан, и говорил, что большая родина – это твоя деревня. А остальное – это маленькая родина. А то мы сначала думаем о глобальном, но забываем о стариках, о родителях. У нас, мне кажется, понятия перепутались. Я с ним согласен».

...Трех прицепов к тракторам не хватило, чтобы усадить всех паломников. Один раз в год они обязательно приезжают в Укурик, оставляя мирские дела, обычные хлопоты. И наступает день, когда они должны совершить этот обряд. Дети, молодежь, старики: все родом из Укурика. Так же, как и в старые времена, так и сейчас, дорога к святому месту нелегкая. Больше 20-ти километров по бездорожью, потом по болоту. В путь отправились и ламы из Бурятии и Монголии. Будто природа и божественные силы испыты-

вают человека и технику... Полтора часа на тракторах, потом технику оставляют на краю болота, и все идут пешком. Потом в гору. Исключение только для двух проводников – они на лошадях, и для самого старого паломника, 93-летнего Цыбик-Доржо Цыренжапова – его усадили на единственный квадрацикл, который специально доставили из Улан-Удэ. Но ухабы на дороге, переправа через ручьи путешествие сделали непростым.

...От прадеда Порше обязанность посещать это святое место перешла к его сыновьям, потом к детям сыновей. И так из поколения в поколение. Были времена, когда сюда ходили тайными тропами, но в тайниках души не угасла вера и память предков. Обряд – это чтение священных книг, молитва, подношение белой пищи божествам, хозяевам местности. Ламы из Бурятии и Монголии исполнили обряд исполнения желаний. В эти минуты все вместе и каждый со своими сокровенными мыслями и надеждами.

Старый учитель Цыбик-Доржо Цыренжапов родился в Укурике, на пенсии дети забрали его в Улан-Удэ. Но каждый год он приезжает сюда. Перед отправкой на фронт в 41-ом двадцатилетним пареньком он молился здесь. Смерть обошла его стороной, после войны Цыбик-Доржо был учителем, потом директором местной школы. Выучил своих шестерых детей и несколько поколений земляков. Двое его сыновей – доктора наук. И в свои 93 года думает о будущем молодого поколения.

«Наши предки молились. Это святое место помогает духовно, – говорит Цыбик-Доржо Цыренжапов, ветеран труда и войны. – Желаю, чтобы все работали, не было войны. Молодежи хорошей доброй жизни и работы! Будет работа – будет хорошая жизнь».

Могучий кедр – единственный в лесу, как исполин в окружении сосен и берез, открывается взору неожиданно. Местные жители рассказывают, что во время войны кедр покернел, а в мае 45-го вновь посветлел и зазвенел. Звон этот слышит, может быть, не каждый и не с первой встречи. Но, как магнитом, тянет сюда людей.

Эрдэм Цыбикжапов, земляк Даши Намдакова, тоже родом из Укурика, уже давно живет в Москве. По профессии – дипломат, специалист по внешней политике России. По долгу службы объездил полмира и всю Среднюю Азию. Видел много диковинных и святых мест, достойных поклонения. Но для него дороже этого кедра нет на всем белом свете.

«Я в первый раз здесь был, когда меня отец привез, – вспоминает Эрдэм Цыбикжапов. – Тогда строго было, мало людей знали это место. Здесь человек мог излечиться, испытать благотворное влияние. Если проблема возникала, я просил, чтобы мне здесь

▲
Малая пластика.
Из серии «Маски мистерии Цам-Цам Гаруда»

обряд провели. Кто-то скажет, это психология. Но все решалось. Я молился о своих близких, не только о себе. Молился, чтобы живые существа жили без катастроф и болезней... Здесь что-то такое, трудно сказать, особая энергетика. Земля дает внутреннюю силу, что-то чистое. Здесь я не был 25 лет, и вот я вернулся».

Не одно столетие стоит могучий кедр... Каким ветром занесло сюда его семя, нет точного ответа. Крона дерева упирается в небо с миллионами видимых и невидимых звезд, а корни крепко держат кедр на родной земле. Дает он людям веру и силы делать благие дела и творить прекрасное на холсте, в камне, в бронзе. В своей жизни.

Фото Даши Намдакова с сайта
<http://www.dashi-art.com/>
 и из архива студии «Лампа» (г. Чита)

Забайкальский исторический журнал
ХРОНОГРАФ

Журнал «Хронограф» № 6, 2014

Главный редактор:
Р.Ф. Гениатулин

Редакционная коллегия:
С.В. Кудрявцев, О.Ю. Черенщиков,
Н.Н. Закаблуковская, А.В. Простакишин, А.В. Соловьев

Учредитель:
Региональная общественная организация «Забайкальское общество любителей истории»

Корректор:
Т.В. Максимова

Дизайн:
Л.А. Титова

Информационная продукция для детей, достигших возраста двенадцати лет (12+)

Адрес редакции: 672000, Чита, Анохина, 67, тел.: 8(3022) 35-20-03

Журнал зарегистрирован 22.11.2012
в управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Забайкальскому краю.
ПИ № ТУ75-00160

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена.
Ответственность за достоверность информации несет автор.

Дата подписания в печать: 26 декабря 2014 г.

Отпечатано в типографии «Домино»:
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 54-а, тел.: 8 (3012) 22-15-15
Тираж: 1000 экз.

